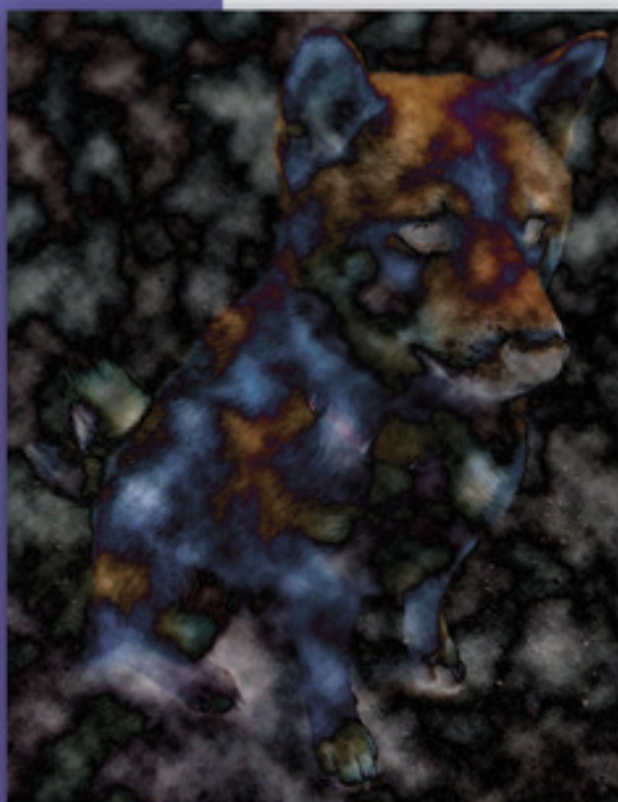

Иванников Алексей

**Заслуженный
гамаковод
России**

философские повести

Алексей Иванников

Заслуженный гамаковод России

«ЛитРес: Самиздат»

1998

Иванников А. А.

Заслуженный гамаковод России / А. А. Иванников — «ЛитРес: Самиздат», 1998

Собрание миров: мир лягушки-путешественницы, мир крысы-индивидуалистки, мир собаки «нового русского», а также мир биржевого спекулянта и мир человека, переживающего предстоящую гибель человечества. Аналоги данных повестей, близкие по типу и по качеству: «Скотный двор» Д. Оруэлла, «Падение» А. Камю, «Затворник и Шестипалый» В. Пелевина, «Превращение», «Отчёт для академии» и «Исследования одной собаки» Ф. Кафки.

© Иванников А. А., 1998

© ЛитРес: Самиздат, 1998

Содержание

История лягушки-путешественницы, написанная ею самой	5
Крыса	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Алексеевич Иванников

Заслуженный гамаковод России

(сборник)

История лягушки-путешественницы, написанная ею самой

Ныне, став пожилой уважаемой лягушкой и чувствуя скорое приближение смерти (не пережить мне предстоящей зимы: я уже вижу это) хочу я оставить о себе память и поведать о реальных фактах и обстоятельствах, сопровождавших мою героическую попытку дать всем сородичам доступ в незнакомый доселе мир и открыть новую главу в истории лягушачьего рода. Попытка – хоть и была замечена и вошла в анналы истории – но обросла ненужными сплетнями и бессмысленными подробностями – как старая черепаха водорослями и паразитами – и моя задача теперь: соскрести наносные отложения и освободить твёрдый прочный панцирь. Неоднократно уже мне доводилось слышать о появлении самозванцев, имевших наглость объявлять себя авторами дерзновенного прорыва, и просто вынужденно мне приходится объявить на всё болото и окружающую его местность: именно я и есть та самая лягушка, которая летала на утках.

Дерзкие самозванцы, квакая о мнимых подвигах, даже не поинтересовались и не попытались узнать: жив ли я ещё, давно откинул лапы в подходящей тихой заводии или оказался проглочен зловредной цаплей, не оставляющей наш род в покое уже многие поколения. В противном случае они попридержали бы своё гнусное кваканье и попытки кривыми дрожащими лапами отнять у меня то, приоритет на что принадлежит мне по праву: первенство в воздухоплавании.

Вы спросите: а когда и с чего всё начиналось? Плавая ещё головастиком в кишасей опасностями канаве и то и дело спасаясь бегством от птиц и жуков-плавунцов – уже тогда я осознал это чувство парения над твердью, потом только разделившейся на болота и леса, поля и горы, которые именно мне впервые выпало счастье наблюдать с высоты птичьего полёта. Внутреннее ощущение было настолько сильным, что именно оно и позволило мне выскальзывать из уже открытого и готового вцепиться клюва, сообщая дополнительное ускорение совсем не в ту сторону, куда целилась птица, предугадывая моё движение. С самого рождения я был не простой лягушкой, способной лишь ловить комариков и орать на всё болото, утверждая свои права: ещё когда длинный неуклюжий хвост связывал мои движения и не позволял выбираться на сушу – уже тогда я мысленно парил в толщах воды, рассматривая проплывавший внизу ландшафт. Водоросли были кустами и деревьями, качавшимися под порывами ветра, а неровности дна становились холмами и оврагами, позволявшими временно спрятаться от всевозможных опасностей и угроз, так что я даже чертил в уме целые схемы и карты, дававшие возможность такому мелкому лягушонку как я наилучшим образом построить маршруты движения и организовать распорядок дня. И это было моё первое великое открытие! Позже выяснилось, правда, что меня уже опередили: общаясь потом со взрослыми умными лягушками, я узнал, что многие поколения наших предков пользуются в практической жизни знаниями о топографии, способствуя дальнейшему процветанию нашего рода. Кто-то из великих предков уже нащупал золотую жилу, заставив меня тем самым обратить внимание на смежные области и направления, не подвергшиеся такому изучению. А я ведь всегда был таким любознательным и настырным лягушонком! Стоило какому-нибудь камню бултыхнуться в воду, распугивая всех обитателей: и разве я бежал, рефлексивно унося ноги от незнакомой опасности?

Ничего подобного: в отличие от сородичей я наоборот приближался к неизвестному предмету и ощупывал его: сначала ртом – когда ещё крошечные слабые лапки не позволяли дотянуться и провести полное обследование, но вскоре – после отпадения хвоста и превращения в настоящую полноценную лягушку – этот недостаток оказался устранён и я мог уже действовать свободно и раскованно. Сколько же я ощупал палок, коряг и всевозможных предметов, попадавших к нам из другого мира! Одно только перечисление должно отнять кучу времени, такого теперь дорогого для меня, так что сразу я перейду к заключениям. Мир, увы, слишком враждебен к нашему роду, и попадающие в водоём камни, бутылки и прочие разнородные предметы есть проявление именно этой враждебности и ненадёжности. Сидя в затишье под любимой корягой – что со временем происходит со мной чаще и чаще – я вспоминаю теперь прошедшую жизнь и с гордостью сознаю, что не зря прошла она и не оказалась замкнута в пределах родного любимого болота, которое как раз из-за великого деяния мне и пришлось покинуть. Кто-то ещё и подумает, что мне пришлось просто спастись бегством по причинам личного характера: вынужден разочаровать подобных пессимистов, не было никогда ничего подобного. Я всегда был сильной, но покладистой лягушкой, не задиравшей лапы на не принадлежавшее мне по праву, так что даже самые крупные и упитанные самки – взирающие на всё свысока – вполне благосклонно относились к моим весенним трелям, разлетавшимся по всему бескрайнему болоту. Это было славное время: когда миновав угрозы и опасности я стал-таки полноправным обитателем родимого водоёма и присматривался уже к кочкам и устроившимся на них конкурентам: далековато мне было ещё до того, чтобы попытаться захватить надёжный плацдарм для дальнейшего продвижения, и я ещё только пробовал привлечь внимание молодых независимых самок, не связываясь пока с превосходящими в массе и силе самцами. Я ещё только рос и набирал вес, готовясь завоевать себе достойную кочку под палящим солнцем, угнездившись на которой смог бы рассчитывать на все радости болотной жизни. Тучи мошек и комаров над головой создавали пятнистое покрывало, из которого мне просто время от времени требовалось выхватывать языком самые яркие и аппетитные пятнышки, заполнявшие вместительный желудок. Такие же молодые лягушата бороздили толщу воды, устраивая иногда шумливые потасовки: растущие силы требовали выхода, и только мерзкие цапли или иногда другие птицы прореживали наши ряды, добавляя всем оставшимся гордости и самоуважения. Это ведь не их только что схватили твёрдым клювом и проглотили на глазах всего света – нет! – это вон та глупую квакушку, имевшую наглость предьявлять нам какие-то претензии, настигла жестокая судьба!

Что же касается меня, то совершенно недостаточно мне было удобной кочки и толстой упитанной самки по весне: я всегда стремился к большему. Речь шла не о власти: нет, ничего подобного никогда даже не приходило мне в голову: взять на себя руководство всем скопищем глупых невежественных лягушек, заботящихся только о личной выгоде – спасибо, не надо. Лишь высокие цели могли вдохновить меня и заставить как-то действовать: требовался лишь намёк и повод. И скоро такой повод появился: этот лебедь вылетел из заоблачного поднебесья и врезался в воду, едва не убив меня и раскидывая во все стороны опадавшие перья. Он был уже мертвым: страшный грохот опережал его падение и явно определял данное происшествие, такое трагическое для могучей птицы. Однако для меня оно стало не трагическим, а счастливым: как обычно я тут же принялся ощупывать огромное для меня тело, путаясь в перьях и порванных кожных покровах, и тут-то меня и осенило: *я тоже хочу летать, и пока не добыю этого, не успокоюсь!*

Разумеется, мне пришлось оставить лебеда: только маленькое невесомое пёрышко смог я прихватить с собой, крепко сжимая его губами. Совсем скоро должны были нагряться хищники, и не стоило подвергать себя лишней опасности. Уже из надёжного укрытия я видел пару ворон, спикировавших на мёртвое тело, но совсем недолго пировали они на нём: появивша-

яся собака отогнала серых тварей и уволокла тушу. Мне же оставалось лишь рассматривать и ощупывать неожиданный трофей, определивший – как оказалось – мою грядущую судьбу.

Ведь только с помощью подобных инструментов можно подняться в воздух и долго парить на невидимой подушке, одолевая немислимые расстояния! Я сразу же понял такую простую вещь и принялся действовать: ведь если покрытый растительностью лебедь способен летать, то почему бы того же самого не добиться молодой и сильной лягушке, обклеенной со всех сторон перьями? Со всей серьёзностью я подошёл к решению задачи: собрав всё оставшееся от лебеда, я с помощью добытой из улиток слизи тщательно прилепил найденное к туловищу и лапам: торчавшие сверху и по бокам белые насаждения втрое увеличивали мой объём и позволяли надеяться на удачный исход, и даже необходимость немного пожариться на солнце и подсушить созданную конструкцию не слишком сильно расстраивала меня: *я знал, на что иду.*

Однако жестокое разочарование постигло меня: сколько я ни пытался подняться в воздух, перебирая и дёргая лапами, но лишь разлетевшиеся во все стороны комары и водомерки напугали моих ближайших соседей, лишившихся в результате сытного обеда, и какое-то количество ила поднялось со дна, загрязнив на время поверхность. Я уже слышал недовольные крики: они наконец увидели моё облачение и, похоже, размышляли: стоит ли им драпать от незнакомого, или надо всё же проучить за незваное вторжение пернатого странного гостя. Я уже хотел крикнуть: да это же я, разве вы не узнали?! – но тут резко всё изменилось: огромная тень нависла сверху над нашей мирной только что заводью, и последний отчаянный вопль раздался совсем близко от меня, подводя итог чьей-то жизни.

И сейчас ещё я помню то жуткое состояние, в котором оказался сразу после этого: какая же лягушка не испытывает ужаса перед цаплей и ей подобными, находясь тем более в непосредственной близости? Я чувствовал, как она ходит вокруг меня, оглядывая со всех сторон непонятное пернатое создание: остальные лягушки уже успели нырнуть под воду, и я оставался единственным доступным для неё обедом. Оцепенение полностью сковало мой мозг и мои мышцы, и даже лапой я не смог бы пошевелить: если от этого зависело бы моё спасение. Только бы не квакнуть! Она уже наклонилась ко мне: абсолютно ничего я не мог сделать в такой ситуации, и мерзкий запах гнили из раскрытого клюва должен был стать моим последним ощущением. Но что-то не понравилось ей: цапля лишь выдернула пёрышко из моего обмундирования и повертела им в воздухе: она резко снялась с места и на настоящих огромных крыльях понеслась ввысь, где парили такие же лёгкие и могучие птицы как она.

Долго ещё я не мог прийти в себя, и только выбравшиеся на поверхность соседи в изумлении окружили меня и потребовали объяснений. Случившаяся дальше безобразная сцена ясно показала, что значит быть первооткрывателем: мне предъявляли претензии за потерю бдительности, приведшую к гибели весьма жирной уважаемой квакушки, и ближайшие родственники уже готовились напасть и придушить меня, примериваясь к складкам местности и отрезая мне дорогу. «Да он же издевается над нами!» Наконец они окончательно пригляделись к моему облику, и кто-то подошёл и ощупал мой наряд. «Ну и вырядился!» Я уже хотел чистосердечно и ясно объяснить им ситуацию: я ведь старался для всего нашего рода, в том числе и для них, но меня опередили: сзади навалился кто-то огромный и сильный, и сразу двое подскочили с боков и принялись лупить меня задними лапами. Перья закружились во все стороны: если бы не мягкая накидка, то негодяи могли изувечить, и наконец страшным усилием я стряхнул державшего меня и рванул вбок: ещё никогда я не запрыгивал так высоко, растопыриваясь в воздухе и стараясь держаться как можно дольше на остатках порванной экипировки: я парил как первая лягушка, доставшая до неба кончиком зелёной пупырчатой лапки, и никакие препятствия больше не могли помешать в великом грандиозном замысле: *стать первым из нашего рода, сумевшим покорить небеса.*

Однако когда я добрался до тихой спокойной заводи – находившейся на другом краю болота – совсем другие заботы одолели меня, спустив резко на землю: я уже видел кривые

недоумевающие взгляды в мою сторону, и огромный чёрный самец – восседавший в центре на вместительной кочке – уже квакнул что-то презрительное и недовольное. Мне пришлось нырнуть на дно: только там можно было избавиться от остатков компрометировавшего меня наряда. Твёрдая коряга больно скребла спину и брюхо, но только так можно было счистить не понравившееся и вызвавшее такое отторжение: возможно, я напоминал о наших главных врагах – птицах – обильно оснащённых такой амуницией и использующих её во вред нам. Ведь именно внезапные атаки с большой высоты наносят нам наибольший ущерб, и только случайный промах разохотившегося хищника может позволить лягушке уцелеть: если проснувшаяся жажда жизни направит земноводного по маршруту, неожиданному для сбившегося с цели летуна.

Совершенно ясно я понял, что шёл по неверному пути: куда же нам – толстым и неповоротливым – состязаться с птицами в их родной стихии? Даже моих молодых сильных лап явно не доставало для поднятия в воздух огромного толстого брюха, и что уже говорить о шансах для других моих сородичей, покрытых плесенью и заботящихся как раз о толщине подкожного жирового слоя? В явное противоречие входили мои устремления – как выяснилось – с интересами и пристрастиями ближайших родичей: я даже не мог излить никому душу и поделиться мыслями, стремительное же бегство из родной заводи отрезало дорогу назад, и главное теперь было, чтобы известие о происшествии не добралось бы и сюда, загоня меня в угол. Местные лягушки – незнакомые мне прежде – не проявляли видимой агрессии, а чёрный самец судя по всему являлся здесь самым сильным и авторитетным обитателем, и безусловно имело смысл установить с ним дружеский контакт. Когда я вынырнул на поверхность, вокруг царила благодатная обстановка: чёрный самец пробовал голос, готовясь задать вечерний концерт, остальные же усиленно питались, работая языком направо и налево, про моё же неожиданное появление успели забыть, так что я тихо присоединился к компании вкушающих вечерние дары, тайно сжимая в правой лапе последнее нежное пёрышко.

Что сказать о месяцах безделья, отягчённого разными мыслями, последовавших потом? Я бился как гадюка, попавшая в лапы цапле – это внутри, переживая происшедшее – снаружи однако я был обычной рядовой лягушкой, уже выросшей и искавшей свою кочку под солнцем. Мелкие конфликты, позиционная борьба в местах наибольшего скопления насекомых, близкое знакомство с самками, уже охотно шедшими на тесный контакт – только самые ленивые или больные могли бы уклониться от подобных прелестей повседневной жизни. И ещё, разумеется, борьба за существование: слишком уж много врагов окружало нас со всех сторон и не позволяло жить спокойно, но неоднократно благосклонная судьба выручала меня и на новом месте: чёрный самец недолго оставался местным предводителем, и после его страшной смерти в лапах случайно залетевшего стервятника разгорелась нешуточная схватка за оставшуюся свободной кочку, от которой я благоразумно отстранился. Я пережил и неоднократные набег гадюк, и появление в наших краях шального загулявшего енота, едва не обнаружившего моё тайное убежище на дне среди коряг: весьма многие тогда лишились жизни, но только не я: *у меня была великая цель, и я не собирался от неё отказываться.*

Завоёванная мною кочка находилась на краю заводи, и благодаря этому я был в большей безопасности по сравнению со многими: недалёкие камыши прикрывали мой ареал с одного бока, прямо же под моей кочкой находилось огромное скопление палок и коряг, как раз и ставших для моего дома надёжным фундаментом; большие глубины вокруг позволяли мне удиравать от всех возможных опасностей, петляя и запутывая недругов, и наконец самое главное: я получил возможность думать, не отвлекаясь на постороннее и обыденное. Сколько же всего за эти месяцы пришло в мою голову идей, недолго пошуршало там и оказалось исторгнуто, как несоответствующее моему главному замыслу! Да и кто бы ещё смог понять и по достоинству оценить мои шальные великие открытия, случившиеся просто на досуге в процессе переваривания комаров и мошек? Разве в состоянии эти глупые квакши были представить, например,

что главное преимущество птиц – даже не крылья, а их горячая красная кровь, позволяющая им всегда пребывать в боевом состоянии – нападая в любое время дня и ночи – в то время как мы вынуждены придерживаться строго определённого распорядка? Отправь такую вот глупую квакушку в холодное время ночью на разведку: и от неё останется лишь отчаянный вопль в ночи, сопровождаемый похрустыванием костей в пасти какого-нибудь филина или енота. С другой же стороны: жара нам не менее вредна и опасна, и наш жизненный ареал таким образом ограничен чрезвычайно жёсткими рамками. А зимняя спячка? Если птицы отправляются осенью на юг, а весной одновременно с нами снова заселяют обжитые места, то они явно имеют перед нами огромное преимущество, связанное как раз с нашей неспособностью переносить большие холода. Но я придумал выход! Ведь если птицы укутаны перьями, то что мешает нам создать себе тёплое надёжное покрывало, нацепив которое лягушка уже не будет дубеть от холода и превращаться в сосульку. В конце концов я соорудил нечто, что можно было натянуть на зелёную пупырчатую кожу: переплетённые вместе листья от кувшинок и росших неподалёку деревьев я прикрепил паутиной к задним и передним лапам, создав таким образом непродуваемый панцирь. Боясь неадекватной реакции соседей, я поздно ночью испытал новую конструкцию: в кромешной темноте я натянул кожих и выбрался на сушу. Было не так холодно: я постоял, прислушиваясь и присматриваясь к происходившему в неясной темноте. Но что бы я стал делать ночью в глухом лесу, набитом опасностями и тревогами? Меня сожрали бы независимо от накидки и моей врождённой гениальности, так что я тихо и аккуратно дополз обратно до болота, стянул наряд и устроился в месте обычного ночлега.

После такой находки я почувствовал себя по-настоящему гениальной лягушкой: ну куда всем прочим лупоглазым и кривоногим было до моей изобретательности и ловкости ума? Только куда им было понять даже это: собственные убожество и отсталость, воспринимаемые как верность традициям и правила хорошего тона, они никогда не посчитали бы чем-то постыдным, моё же превосходство над всеми для них просто бельмо на глазу. Чтоб таким что-то доказать: это же болото должно зацвести зимой, а комары дорасти до размеров жабы, и тогда уже неизвестно: кто на кого станет охотиться. И чтобы они просто заметили мои открытия и обратили на них внимание, оторвавшись от ловли мошек и комаров: должно случиться что-то необыкновенное. *Значит, я должен им это внушить!*

Ведь каждая лягушка, нажавшись насекомых, должна твёрдо знать: зачем она живёт на свете. Она должна повторять это про себя днём и ночью, и первая мысль, возникающая с пробуждением ото сна, должна устремляться не к мошкам и комарам, а к возвышенному. А уж идеями-то я вполне в состоянии обеспечить все близлежащие болота: на все случаи жизни и для всех возрастов и пристрастий. Но должны быть, разумеется, и глобальные идеи, связывающие всех и объединяющие. И самое первое и очевидное: *лягушки всех стран, объединяйтесь!*

Данный проект настолько увлёк меня, что целый месяц я выквакивал, собирая буквально по буквам, те идеи и лозунги, которым должны следовать все полноценные земноводные. Это ж какая работа: всё предвидеть и предусмотреть, и не забыть на первый взгляд не самых важных и стоящих положений. И надо ж было ещё позаботиться о главной цели моей жизни – *о великом полёте* – который всё ещё маячил где-то на горизонте и не давался пока в лапы. Идея о нём должна была исподволь появиться в общем скоплении всех идей, и потом, постепенно набирая обороты, ввинтиться в самую гущу и занять центральное место. Начинать же следовало с нашего жизненного ареала, дающего кров и пищу: для его защиты вполне годился девиз: *не позволим осушить наши болота!* – переходящий потом в наступление: *покроем болотами всю землю!* Разумеется, кто бы смог сделать такое, но главное здесь было обозначить ориентиры, присматриваясь к которым любая лягушка могла бы прожить достойную жизнь. И здесь очевидно вылезал лозунг: *каждой лягушке – по кочке!* – переводивший вопрос с ареалом в индивидуальную плоскость. Ведь даже самый больной и хилый имел право на реализацию личности, но вот чтобы такая цель находилась в пределах досягаемости, надо ж было преду-

смотреть и время на работу над собой. Вечножрущие и заплывшие жиром по самую макушку от обильного питания никак не могли являться идеалом: поэтому девиз *комарам – минута, идеям – час!* просто идеально ложился в общую концепцию, расставляя нужные акценты. Сразу два лозунга – на выбор – должны были поддержать квакшу, достигшую реальных успехов в её желании проявить себя: *пусть весь мир услышит наше кваканье!* и *скажи миру своё ква-а!* Но кроме успехов встречались ещё и неудачи, и наших врагов следовало встречать достойно: *даже в брюхе у цапли есть ещё надежда!* призывал не сдаваться ни при каких обстоятельствах, а *мир гадюкам и аистам!* побуждал наших злейших недругов перейти на другой рацион. Кто бы ещё заставил их сделать это? – можно задаться таким вопросом, но подобные частности уже находились за пределами моей компетенции: мои небесные скрижали – надиктованные свыше – не разъясняли подобных мелочей, заставляя лишь внушить полученное знание всем прочим. Я так увлёкся составлением свода правил, что иногда просто забывал выходить на ловлю комаров и мошек, но занятие стоило того. Дополнительно для молодняка годился лозунг *плох тот головастик, который не мечтает стать лягушкой!*, демонстрируя верное направление развития, девиз же *пожилые квакши – наша гордость и слава!* доказывал преемственность поколений и необходимость соблюдать должную иерархию. Закалённые бойцы, прошедшие сквозь все набег енотов и лисиц и облавы многочисленных пернатых агрессоров заслуживали уважения уже за одно это: их покрытая шрамами и рубцами шкура сразу указывала на самых сильных и опытных, заслуживающих самые вместительные кочки под солнцем и самых жирных самок весной, чему посвящался следующий лозунг: *повысим яйценоскость наших самок!*, гарантируя тем самым дальнейшее процветание нашего рода. И наконец: список завершал девиз, который подводил к тому, ради чего я целый месяц мучительно размышлял, стараясь хоть как-то приблизить свою главную мечту: *лягушки и утки – братья навек!*

Кому-то покажется странным подобное сопоставление, но именно таким образом я надеялся реализовать свой великий замысел: *если мы не можем летать сами, то нам помогут другие!* Почему же утки? – можно задаться вопросом, но кто же ещё из обычных обитателей болота с одной стороны не представляет угрозы для такой крупной лягушки как я, с другой же стороны способен поднять меня в воздух и донести до нужного места? Лишь мелким лягушкам и головастикам следует остерегаться встреч со взрослыми сильными утками, на меня же данное предостережение не распространяется: попробовали бы они подступиться ко мне! Живое я отбил бы задними лапами такую охоту заодно с перьями, могущими разлететься во все стороны света! Но главная задача здесь: суметь договориться с ними и заставить их поверить мне и исполнить замысленное. Однако без предварительной подготовки и наставления лягушек на путь истинный все мои усилия грозили кончиться провалом, так что именно с этого конца я решил зайти вначале.

Дождавшись однажды, когда всё болото благоухало после тёплого дождика, а обитатели разморённо готовились к вечерней еде, я пробрался в самый центр заводи и влез на оставленную кем-то кочку. Разумеется я убедился, что владелец находится далеко и не станет выяснять отношения: очень мне нужно было это место, просто для привлечения общего внимания требовалось оказаться в самой гуще. Я долго и протяжно квакал, что являлось полнейшим нарушением субординации и всех законов: брачный сезон давно уже миновал, и никаких достаточных оснований для такого поведения с точки зрения обычной лягушки не существовало. Однако я не был обычной лягушкой, и наконец я решил сбросить маску и предъявить свои открытия на всеобщее обозрение.

Я квакал о том, что долгие поколения лягушек жили во мраке и невежестве, различая лишь скопища комаров и мошек и быструю тень налетающей цапли или аиста, не обращая внимание на многообразие окружающего болота мира. Поколения шли одно за другим, а мы лишь перебирались из высыхающих болот в другие водоёмы, становившиеся новой родиной, и так же жрали насекомых, выясняли отношения и переживали бурный брачный сезон, чтобы

уйти поздно осенью в очередную спячку, отбрасывавшую нас назад и не позволявшую расти и развиваться. Но теперь у нас есть альтернатива, и благодаря моим героическим усилиям мы ещё можем выйти на светлую дорогу.

Дальше я вкратце обрисовывал ту систему понятий и ценностей, которую так удачно выработал в ходе мозговой атаки: каждый теперь обязан был не просто работать языком и лапами направо и налево – нет! – всем теперь предписывалось заботиться о благе нации, не забывая о великих перспективах, открывающихся наконец на длинном скорбном пути. Светильник разума, который мне удалось возжечь благодаря нашим великим богам и моей врождённой гениальности, осветит теперь самые потаённые уголки и выведет оттуда на общее обозрение самое грязное и тёмное, заменив его великими надеждами и мечтами, безусловно объединяющими всех земноводных. И одну из таких надежд я могу уже назвать: это *полёт*. Я расписывал те великие преимущества и плюсы, которые будет иметь лягушка *летающая* перед лягушкой *ползающей*: оглядевшись вокруг с большой высоты, можно будет сразу определить места наилучших дислокаций для нашего проникновения и захвата новых водоёмов: получивший столь заметное преимущество сразу расселится на максимальных площадях, потеснив всех прочих и заставив их склониться перед нами. При этом возможен и захват чужих территорий: имея преимущество в воздухе, мы теперь сможем десантировать на головы врагов, давя их мощными телами и используя даже и подручные средства: скинув приличный такой булыжник с хорошей высоты, можно сразу же обратить врагов в бегство, ну а спустившийся отборный десант довершит полный разгром, обеспечив нам таким образом расширение ареала.

А пища? Поднявшись в воздух, мы теперь сами будем выбирать себе ту еду, которая покажется нам наиболее достойной уважения: теперь нам не надо будет ждать, пока комар или муха лишится осторожности и окажется в пределах досягаемости наших длинных языков. Теперь мы будем сами преследовать их, выбирая наиболее сочные и представительные экземпляры, обитающие на всех ярусах бесконечной лестницы жизни. А сколько разной экзотики пока миновало наши желудки, и способно благодаря возможности летать найти там в будущем достойное место! Комары, мухи, мошкара и слизняки – это же всё самое обыденное и приземлённое, могущее лишь утолить голод и дать возможность забыться ещё на день. Но теперь мы будем искать в пище наслаждение, порождаемое новыми безграничными возможностями, и не будет странным и необычным, если лягушка найдёт себе завтрак на болоте, пообедает где-нибудь в кронах раскидистых деревьев, а отужинает уже на зелёном лугу, приобщаясь к красотах растительной жизни!

А враги? Мы уже не будем так беззащитны и досягаемы для самых злобных и непримиримых противников: с помощью уток мы теперь сумеем дать отпор аистам и цаплям, енотам и лисицам, и даже шальные стервятники, решившие полакомиться нашим мясом, получат мощный ответный удар от вновь созданного союза: союза лягушек и уток, перед которым должны будут преклонить колени все, кто захочет и дальше обитать в наших тёплых влажных болотах!

Вознёсшись до недостижимых высот, я с трудом остановил словесный поток: явное вдохновение вывернуло меня наизнанку и заставило присочинить многое такое, чего я и сам до того не знал. Реакция однако же была странная: все в оцепенении уставились на меня, один из соседей рефлекторно смахнул муху – потерявшую всяческий стыд и закружившуюся прямо над головами: она почему-то решила, что мы стали каменными изваяниями и больше не представляем угрозы. Однако муха ошибалась, но вместе с нею ошибся и я: на всех парах уже летел ко мне хозяин кочки, а проснувшиеся и оттаявшие наконец соседи уже злобно и напористо что-то кричали – каждый своё: «сам придумал?», «вылез тут!», «поквакал – и в тину!». Я аккуратно отполз в сторону: никто пока не нападал на меня, и только доскакавший хозяин кочки занял так опрометчиво оставленную позицию и со злостью уставился на меня: вряд ли он слышал что-нибудь существенное из моей речи, и только для поднятия собственного авторитета имело смысл заново утвердиться на родной, добытой в схватках территории.

Но немного покричав, очень быстро все успокоились: они уже отвернулись от меня и приступили к поглощению пищи: желудки требовали очередных порций насекомых, надоедливо круживших и ползавших в пределах видимости и досягаемости: совершенно их не занимали рассказы о грядущих деликатесах и запланированных победах, которые мы в состоянии были бы приблизить и сделать реальными. Родное брюхо оказывалось ближе и перевешивало все невероятные перспективы, открытые мною и представленные на всеобщее обозрение, и ясно было, что никакой помощи и поддержки здесь мне ждать просто не приходится.

Я вернулся на родную территорию. Что ж, если они не желают помогать, тогда вся слава достанется мне одному, и не надо будет делиться ею с наглыми прихлебателями, безусловно пожелавшими ущипнуть себе кусочек. Тогда моя цель: суметь договориться с утками и убедить их в нужности и выгоды предприятия. Пускай же эти толстобрюхие и бородавчатые квакают себе потом и исходят желчью, наблюдая из своего гнилого мелкого болота за моим великим триумфом!

Но для уток также требовалось представить разумную и логичную версию: и сразу же после возвращения я стал размышлять над этим. Так какие же выгоды и преимущества мог я предложить сильным и самостоятельным птицам, едва ли пожелавшим прислушаться к словам совершенно незнакомой им лягушки? Дружба? Но разве захотят они общаться с теми, кто иногда становится их пищей, и о каких же хороших отношениях тогда может идти речь? Альтруизм? Но разве ж можно найти его в среде, где каждый норовит прищучить другого и вылезти повыше, взгромоздившись на кочку повместительней и поудобней? Научный эксперимент? Здесь я задумался надолго: утки ведь могли разделить со мной славу – пускай и в качестве подсобного средства – но они так же как и я попали бы в историю. Следовало только продумать способ передвижения, чтобы обеспечить себе всевозможные удобства и войти в историю с гордо поднятой головой, а не влететь туда, кувыркаясь кверху тормашками.

И как раз в этом вопросе обнаруживается полное невежество и личная заинтересованность мнимых свидетелей и горе-претендентов, всеми неправдами пытающихся отнять у меня патент на бессмертие! Стал бы я цепляться ртом за веточку и болтаться как лист на ветру, рискуя в любой момент позорно шлёпнуться на виду у всех, что могло бы привести даже и к смертельному исходу? Эти наглые горлопаны явно не были знакомы со мной, иначе они бы твёрдо знали, что в качестве средства для передвижения я выбрал придуманный так кстати кожух, который мне пришлось ещё больше укрепить и приспособить для выбранной цели: я заделал все щели на спине и брюхе, и собрал ещё паутины для удержания конструкции передними и задними лапами, но самое главное заключалось в том, что из специально высушенных водорослей я сплёл прочные надёжные верёвки, которые прикрепил к кожуху таким образом, чтобы их можно было накинуть на палку, специально уже подобранную. Я располагался в кожухе головой вперёд, и путешествие должно было проходить комфортно и удобно: дело оставалось за утками, которые согласились бы взяться за приготовленный мной хомут.

Ну и намучился же я с глупыми и наглыми птицами – особенно вначале – далеко не всегда даже улавливавшими мою мысль, уже не так вольно скакавшую по лугам и кочкам: здесь уж я постарался сосредоточиться на главном и единственно существенном: на проведении эксперимента, грозящего открыть новую страницу в истории! Однако в ответ доносились угрозы, грубые ругательства, и несколько раз меня даже больно щипали, в очередной раз оставляя не у дел. Вот и приноси после этого пользу всем и каждому, вот и делай великие открытия, получая взамен оскорбления и подзатыльники! Такой баланс явно не устраивал меня, и получив очередную порцию брани в ходе общения с очередной стаей уток, я задумался об изменении легенды. Ну какое в самом деле этим корыстолюбивым и глупым птицам дело до моих великих открытий, им бы тоже как и моим родичам: перехватить бы что-нибудь съедобное, а дальше хоть трава не расти! Вряд ли средняя утка по уровню интеллекта намного превосходит среднюю лягушку, и по интересам и пристрастиям наверняка наблюдается такой же расклад, так

что очень долго пришлось бы мне приставать ко всем пролетающим мимо стаям в надежде найти подходящих союзников. И хорошенько обдумав все обстоятельства, мне невольно пришлось пойти на обман и подлог, который оправдывался великой целью, от которой я не собирался отступаться!

Ведь разве возможно совершать великие открытия и делать прорывы, руководствуясь исключительно официально признанными догмами и традициями? Мы бы и сейчас ещё сидели в том болоте, в котором впервые появились на свет наши прамаменька и праотец, и не расселились бы по всему свету, образовав могучее скопление разрозненных общин. Кто-то же первый выполз наконец на берег – возможно даже, издыхая – и проложил путь к ближайшему водоёму, и даже если мотивом поступка послужила нехватка воды и пищи, но уже это дало великий толчок. И что же мне мешает последовать такому примеру, и объявить уткам, что я знаю – из древних лягушачьих мифов и легенд – о существовании обширнейших болот, не замерзающих зимой и способных накормить и дать приют всем того желающим уткам, а заодно и лягушкам. И если они согласятся взять меня с собой – прихватив созданную конструкцию вместе со мною – то я так уж и быть открою им эту великую тайну!

Сразу же я опробовал новую легенду: время уже поджимало, утки готовились отправиться на юг, и если именно в этом году я собирался совершить великий прорыв, то медлить было нельзя. Я ведь мог не пережить приближавшуюся зиму – по тем или иным причинам, и тогда долго ещё поколения лягушек ждали бы такого случая! Первая подвернувшаяся стая состояла из мудрых – по птичьим меркам – уток, и с интересом выслушав, мне всё же отказали: они уже твёрдо знали место будущей зимовки, и не хотели соблазняться непроверенной информацией. Их можно было понять, и подобрать следовало, видимо, не самых опытных и отягчённых интеллектом. Ещё пара стай вела себя агрессивно и напористо: сильные селезни и самки – окружив меня – требовали открыть мне месторасположение болот, ни при каких условиях не соглашаясь впрячься в повозку. Мне даже пришлось спастись от них, закрывая на максимальную глубину и замирая среди разлапистых палок и коряг. Лишь пятая стая повела себя так, как нужно было мне: с уважением выслушав меня, они долго галдели, обсуждая в своём кругу соблазнительное предложение. Однако мне всё же было отказано: главный селезень – вожак стаи – задал мне с пристрастием несколько вопросов, которые могли разъяснить ситуацию, и мои ответы прозвучали – судя по всему – не слишком убедительно.

И тогда наконец появились те, кого я так долго и с нетерпением жаждал встретить: компания разбитных юнцов, вынырнувшая из-за облаков, резко пошла на посадку и вначале испугала меня. Но где им было справиться с такой сильной лягушкой как я: аккуратно выбравшись из тины, я произнёс столь зажигательную и вдохновенную речь, что вновь прибывшие сразу окружили меня и перебивая друг друга и даже щипаясь принялись выспрашивать детали и подробности. Но в этот раз я был уже во всеоружии: я рисовал им огромнейшие водные глади, покрытые ряской и камышом, и расцветчивал их самыми фантастическими рыбами и насекомыми, способными утолить жестокий голод и разнообразить рацион. Рыбы в тех местах – квакал я – просто невпроворот, так что присутствие многочисленных уток и других птиц лишь поддерживает необходимый баланс, который никак не сможет нарушить присутствие ещё одной лишней стаи. «Нырнул десяток раз – и обед обеспечен!» Место же нахождения этих благословенных мест – великая тайна, доверенная лишь самым мудрым и опытным лягушкам – таким как я – но при надлежащем отношении я мог бы помочь в поисках: отправившись в путь вместе с ними.

Молодые и глупые утки были теперь в моём подчинении: во вновь устроенном гвалте они теперь выяснили вопрос: стоит ли отправиться тотчас же, или надо отдохнуть, подкрепив ослабевшие силы. Мне пришлось даже вмешаться: вовсе не хотелось мне находиться во власти уставших и шатающихся от слабости птиц, способных случайно сбросить меня на землю.

Тем более что я должен был окончательно опробовать и подготовить созданную конструкцию: чтобы ни одна нитка не дала сбой, подвергнув меня страшной непредвиденной опасности.

И тут я приступаю к главной части своего рассказа: описанию великой миссии, выпавшей на мою долю. То, что она именно *выпала*, а не стала праздником или торжественным зрелищем: я могу утверждать абсолютно авторитетно: забравшись в собранный костюм, я напоследок бросил прощальный взгляд на родное болото, которое вряд ли когда-нибудь мне предстояло увидеть. Но где же были рукоплескания, где были торжественные проводы величайшего лягушачьего гения и изобретателя всех времён и народов, готовившегося покорить новую стихию? С прискорбием сообщаю: не было их, и все позднейшие громогласные заявления и восторги есть лишь наглая ложь и попытка примазаться к чужой славе. Лишь две или три трусливые квакушки издали с безопасного расстояния следили за непонятной им суетой, и в самый последний момент – когда уже мои лапы и брюхо оторвались от земли: неподалёку из-под воды показалась чья-то любопытная морда. Глаза в ужасе раскрылись – оценивая непонятную ситуацию – и последним отблеском оказалась ушедшая в сторону тень, потому что последовавший резкий рывок сразу сбил и отставил в сторону все остальные образы и впечатления.

Неопытные юнцы – державшие в клювах палку – так резко рванули с места, что я почти потерял сознание: бесформенным мешком я болтался укутанный в вороха листьев и кувшинок, не слишком-то спасавших меня на самом деле: поток воздуха сильной струёй бил в морду и заставлял слипаться глаза, до сих пор не встречавшиеся с таким испытанием. Далеко не сразу мне удалось продышаться: широко открыв рот я всё-таки смог более-менее восстановить дыхание, хотя одновременно с этим глотка мгновенно пересохла, и при всём желании я не смог бы что-то говорить и отдавать приказы. А вожак стаи уже пристроился рядом и спрашивал указания: мы пока облетали болото по широкому кругу, поднимаясь по огромной спирали выше и выше, и мне как провожатому требовалось наметить начальный маршрут.

И здесь впервые я увидел то, чего не видела ни одна лягушка с момента нашего появления на свете: огромное болото – историческая родина – скукожилось и сжалось до вполне обозримого зелёно-серого водоёма, который по мере удаления всё больше превращался в пятно в окружении огромного могучего леса с редкими полянами и проплешинами. Лес был почти везде: лишь в одном месте он переходил в неясную издали цепь серых острых предметов, поднимавшуюся выше крон деревьев. Так выглядели горы: болтаясь на огромной высоте я подслушал обрывки разговора вожака с соседом, называвшим именно так неясные серые громадины, мне же ни в коем случае нельзя было выдавать своё незнание. К счастью я не мог произнести ни звука, и когда вожак обратился ко мне, требуя показать направление движения, я ткнул лапой куда-то чуть в сторону от горного массива, и стая тотчас же легла на указанный курс, пока ещё несогласованно поднимая и опуская крылья.

Вовсе не увеселительной поездкой оказалось моё героическое странствие по лугам и болотам на верных прирученных утках: ещё долго после приземления мне каждый раз приходилось восстанавливать слегка подорванное здоровье. Приземляясь на новое болото, мы первым делом выставляли караул, державший ближайшие окрестности под контролем. Остальные же – немного отдохнув – ныряли в поисках рыбы и улиток, достаточно обильно населявших попадавшиеся нам водоёмы. Однако мне приходилось заботиться о большем: я думал о душе! Слегка перекусив, я влезал в тесную лягушачью компанию, сгрудившуюся где-нибудь под корягами, и тут же читал вновь обращаемым лекцию: я рассказывал о своих великих открытиях и прозрениях, позволивших мне достичь небывалых высот в прямом и переносном смысле. Разве они думали, что когда-нибудь лягушкам покорится воздушная стихия, безжалостная и жестокая, и самые лучшие представители будут совершать полёты, используя для этого подвернувшихся уток? Однако это не является пределом наших мечтаний, и новые поколения лягушек – снабжённые придуманной мною идеологией – пойдут намного дальше: мы освоим воздух и землю, и неведомые пока что моря и океаны, и всё это станет также нашим домом,

таким же удобным и вместительным, как родные тёплые болота, наша древняя историческая родина. Мы должны будем заключить союз с утками – нашими верными друзьями и помощниками, чьё содействие просто невозможно переоценить: именно они позволят реализовать нам многие составляющие намеченного мной проекта, так что всем полноценным лягушкам следует учиться дружить с ними. А кто из нас не мечтал пожить в странах, где зимняя спячка, приводящая к деградации и регрессу, станет излишней? Есть ведь и такие земли, где круглый год бывает подходящая нам температура, и лягушки только и делают, что едят насекомых и устраивают брачные игры: без всяких перерывов и ограничений. Разве это не лягушачий рай, но находящийся на земле, и в этот рай теперь сможет попасть любая лягушка, которая последует за мною!

Произнеся подобную речь, я далеко не всегда встречал достойный ответ: уж казалось бы какие ещё обещания и перспективы могли оказать лучшее воздействие на обитателей местного водоёма! Это сейчас они квакают во всю глотку, провозглашая себя верными учениками и продолжателями моего дела. Тогда же во многих случаях ситуация складывалась не слишком для меня благоприятно: местные предводители сразу же реагировали на явную возможность потерять свой резко пошатнувшийся авторитет: они ведь должны были стать – в случае признания моей правоты – рядовыми обычными квакушками, ничего не значащими на фоне нового кумира. И тогда они начинали действовать: сколько же раз мне приходилось отбиваться от наседавших недругов, призывая на помощь моих верных уток! С самой лучшей стороны показали себя эти brave молодцы, отбивая наскоки резко превосходящих сил, которые мне потом приходилось внятно объяснять и истолковывать. Местные обитатели – как я обычно говорил уткам – когда-то вели с нами долгие продолжительные войны, и мерзкие подлецы – встретив меня одного и выяснив место моего рождения – решили воспользоваться случаем и отомстить мне. Но пускай утки не переживают: мы находимся на верном пути к благословенным болотам, а наличие врагов может лишь сплотить нас и сделать сильными и закалёнными.

Значительно реже меня ждал другой приём: когда собравшиеся вокруг вначале робко, а потом всё смелее и смелее начинали выпрашивать о том, как можно достичь описанного мною: утки ведь нападают на головастика и мелких лягушат, таких слабых и беспомощных, и как же можно дружить с теми, кто представляет для нас определённую угрозу? Тогда я рассказывал о своих утках: я говорил о том, что уже несколько месяцев мы живём душа в душу, всячески оберегая и поддерживая друг друга, и разве это не есть пример того, как можно строить отношения? Затем следовали вопросы о тёплых землях: самые осведомлённые и сообразительные как правило слышали о чём-то подобном, однако их знания не распространялись дальше вездесущих комариков и отсутствия зимней спячки, и тут уж мне приходилось напрягать всё своё воображение: я рисовал им картины бескрайних водоёмов с прозрачной чистой водой, наполненных шевелящимися и разбегающимися во все стороны водяными насекомыми и жуками, охотой на которых заняты огромные стаи птиц и лягушек, которым лишь приходится открывать рот и разевать клюв, куда уже сами собой набиваются одуревшие от собственного обилия мелкие обитатели. Вместо же мелких гнилых заводей – поросших ряской и тиной – там огромные водные пространства, где на широких листьях местных растений могут собираться целые кланы – вроде вашего – и заниматься играми и развлечениями. На вопрос: а где же прятаться в случае появления аистов, цапель или прочих опаснейших врагов? – я отвечал так: глубина водоёмов там такова, что ни одна цапля не сможет достать занырнувшую своевременно лягушку, глупые же квакши – задающие подобные вопросы – могут и здесь спокойно попасть на обед к разгулявшемуся врагу рода лягушачьего. Однако на самом деле нет их в тех краях: ну какой же *рай* может быть набит аистами и цаплями – как болотная отмель нашей икрой во время брачного сезона? Так что пусть не задают они дурацких вопросов. Из вопросов же недуряцких самым логичным был такой: а бывал ли я уже в тех краях? – на что мне приходилось давать утвердительный ответ. Я квакал о том, что сейчас готовлюсь совершить новое

странствие в благословенные края, по пути одаривая всех встречных лягушек плодами добытой мудрости. Просьбу же взять с собой мне с прискорбием приходилось отклонять: я ведь не простая лупоглазая лягушка, нет – *я великий гений и пророк* – требующий соответствующего почёта и караула – едва покрываемого численностью моей стаи. Но если кто-то хочет попробовать: ему придётся пройти мой путь, и найти подходящую стаю уток, и тогда уже ему тоже – *как и мне* – все лягушки должны будут поклоняться как богу на земле!

Нельзя сказать, что последние слова встречали везде восторженный приём: пару раз в сгустившейся тишине мне даже приходилось искать ближний путь к отступлению и бегству, однако чаще всего молчание было благоговейным и почтительным: я доказывал-таки местным обитателям свою силу и значительность, и несколько раз мне даже предлагали остаться. Но на что мне было это мелкое болото с обычными рядовыми квакушками, пусть и склонившимися в почётном реверансе и готовыми предоставить лучшую кочку и лучших самок по весне? Я жаждал теперь всемирной славы, и именно к этому были теперь устремлены все мои мысли и амбиции! Пару раз – случайно летая с утками по сложным зигзагообразным маршрутам и останавливаясь на ночлег неподалёку от одной из прошлых стоянок – я уже наткнулся на слухи о моём героическом странствии, которые хоть и не опережали меня, но постепенно распространялись уже повсюду. Это была слава: давно обещанная и заслуженная, и теперь я просто старался распространить её на как можно большей территории. Мы летели уже несколько недель, каждый раз повинуюсь моим указаниям, получаемым утками тогда, когда мы набирали достаточную высоту. Я примеривался, вспоминая расположение лесов, полей и водоёмов вчера во время приземления, и прокладывал курс примерно в том же направлении. Утки хоть и были глупыми невежественными подростками, но длительная дорога по непонятному маршруту сильно утомила их, и кое-кто, проявляя пока почтительность, начал уже ворчать и недовольно коситься в мою сторону. Это было неприятно и опасно: в ходе движения большая часть стаи принимала активное участие в моей транспортировке: через каждые два-три часа к моим очередным ездovým уткам подлетали сменщики и аккуратно забирали клювами длинную надёжную палку. Безусловно это становилось каждый раз испытанием для нервов: закончившим сгустком я каждый раз ждал ошутимого толчка и первых тревожных минут, когда уткам приходилось согласовывать неровные движения. В самом начале путешествия я даже однажды накричал на глупых безответственных юнцов, в течение часа болтавших меня из стороны в сторону: так что после приземления состоялся серьёзнейший разбор полётов. Вожак долго и нудно объяснял оболтусам необходимость бережно относиться ко мне и выполнять все мои просьбы и указания: а иначе не видать им всем благословенных болот. Внушение благотворно на всех подействовало, и больше подобные истории не повторялись. Однако по мере удаления от исторической родины мне всё чаще приходилось отвечать на каверзные вопросы, которые ставили вожак и его приближённые. Уже много горных массивов оставили мы позади, а леса, поля и водоёмы слились в бесконечную конвейерную ленту, на которую мы вступали каждое утро, сойдя с неё накануне вечером. Возможно, отправившись по известному им заранее маршруту, утки уже достигли бы места зимовки, так что глупых птиц вполне можно было понять. Несколько раз они уже окружали меня и пристрастно выспрашивали: а где же наконец обещанные мною болота, и не пудрю ли я им мозги? Разумеется, я всё отрицал: я говорил о сложности наших мифов и легенд, которые требуется ещё правильно понять и расшифровать, так что не всем глупым уткам по силам оценить древнюю лягушачью мудрость. «А не желаете: ищите сами!» После подобных бесед они затыкались и хмуро продолжали выполнять условия соглашения: но я уже ясно различал недовольные ухмылки и кривые взгляды, и очевидно было, что долго держать в неведении и подчинении мне их не удастся.

А зима уже подступала вплотную: рано утром снежок временами сыпался из низких облаков, окропляя белым цветом землю и растения. Насекомые уже намного реже попадались во вновь обнаруживаемых нами водоёмах, и вместо аппетитных комариков и мух мне приходи-

лось довольствоваться водяными припасами: жуками и большими толстыми улитками, от которых пучило живот и становилось тяжело. Накидка почти не спасала меня, и только тёплые утки, собиравшиеся вокруг, по ночам согревали моё отощавшее тело. Очень неприятно сознавать мне теперь, что пришлось обмануть их доверие и так грубо использовать в собственных интересах: но разве хоть одно великое достижение обходится без грубой лести и обмана? Разве можно достичь чего-то серьёзного и значительного – выходящего за рамки общеизвестного – не сделав ловкий финт ушами или ногами, используя чужую слабость или неосведомлённость? Так и я надул моих бесценных уток, пообещав им всё и не сделав на самом деле ничего. Однако пора было закругляться: и здесь сложившиеся легенды полностью искажают и перевирают то, как это происходило на самом деле.

А я просто дезертировал. То есть выбрав подходящий водоём – обитатели которого уже в массовом порядке забивались во всевозможные норы и щели – я не стал широко оповещать всех о своих великих заслугах и достижениях. Выбравшись из утиной стаи посреди ночи – хоть как мне не хотелось покинуть тёплое обжитое место! – я аккуратно отполз к пруду и обнаружив основное скопление местных лягушек, просто ввинтился в самую середину. Холодные жирные туши противно и мелко дрожали, но у меня не оставалось выбора, и именно так было проще всего уйти от неминуемой и жестокой расправы: когда утки обнаружили бы правду.

Так что рассказы о том, что якобы я не выдержал потоков славы, обрушившихся на меня и по собственной неосторожности хлопнулся в подвернувшееся так удачно болото: лишены всяких оснований. Разве я похож на сумасшедшего, готового сверзиться с какой угодно высоты, и всего лишь за лишнюю минуту славы? Меня бы просто размазало по земле, или даже если прямо подо мной в тот момент оказалась водная гладь: на сотню мелких лягушат разбилось бы моё бесценное для меня тело. Так что всё получилось намного проще и прозаичнее: проснувшись утром и не обнаружив меня, утки несколько часов летали во всех направлениях, обрыскивая болото и ближайшие окрестности. Я допускаю даже, что они наконец поняли обман: выглядывая из надёжного убежища я видел несколько жестоких стычек, которые произошли между утками и ничего не подозревавшими местными лягушками, выбравшимися для утренней еды на привычные места. Уж как утки буянили и свирепствовали, вымещая накопившуюся за недели ярость! Однако моё убежище в высоких камышах так и не удалось обнаружить жестоко обманутым, и после нескольких часов поисков они наконец собрались в клин и легли на известный им курс: тихо затаившись под камышами я мысленно благодарил их и прощался с теми, кто подарил мне великую надежду и дал шанс на бессмертие.

Что сказать о том периоде, который последовал за скоропалительным завершением моего путешествия? Я находился просто в жутком состоянии, и единственной моей заботой было выжить в ближайшую зиму. Обмороженные пальцы на лапах и обветренная кожа – особенно на морде – нуждались в длительном лечении и уходе, а отощавшее и поджатое брюхо, испорченное не самой доброкачественной пищей, требовало правильного и усиленного питания, так что сразу после отлёта уток я начал осваиваться на новом месте. К сожалению, я не мог использовать так удачно найденные слова для привлечения новых сторонников: устроенное утками побоище весьма серьёзно отразилось на здоровье и состоянии духа местных обитателей, и они в свою очередь также могли выместить на мне сквозившую в глубине ярость. Я представился как несчастный беженец, лишившийся родного водоёма и вынужденный искать новое прибежище, и поскольку многие кочки были незанятыми, то на одной из них я и разместился. Мою повозку в порыве ярости утки разнесли в клочья, и поскольку никто из местных обитателей не видел нашего приземления, то лишних вопросов мне задавать не стали. Да и разве смог бы кто-то из них представить, что я пересёк огромную территорию, используя уток в качестве тягловой силы?

Но пока что стоило помалкивать о своей гениальности и тех успехах, которых мне удалось достичь благодаря ей. Не везде ведь меня встречали с распростёртыми объятиями, во

многих же случаях сознание моих успехов отрицательно действовало на местных квакушек: кто ж из добившихся высокого положения с помощью подковёрных интриг или удачного стечения согласен был бы признать моё первенство благодаря честному соревнованию в *реальных достижениях*? Поэтому мне просто пришлось заставить себя ни разу даже не упомянуть о злосчастных утках, внёсших такой беспорядок в местную жизнь: как и все прочие я готовился к трудной зимовке, наращивая запасы жира и проявляя повышенный аппетит. Здесь уж я смирился и временно забыл о недавних подвигах и собственных громогласных утверждениях: я нырял за каждым слизняком, попадавшим в поле зрения, и не пропускал ни одного кузнечика и самой тощей мошки или блохи, по неосторожности залетавшей в сферу действия моего языка, и только это вместе с благотворным влиянием чистой проточной воды спасло меня. Недалеко протекавший ручей – место зимовки местных обитателей – дал мне возможность залечить раны, и когда следующей весной жаркое солнце ударило по белым сугробам и заставило их съёжиться, а потом раствориться в текущих повсюду потоках: я уже мало отличался от местных лягушек по внешним данным. Настоящие отличия находились внутри, однако неизвестно было: как всё это восприняли бы аборигены. Я уже почти породнился с ними: ко мне относились как к одному из самых уважаемых и сильных самцов, сопровождая это соответствующими атрибутами: доставшаяся мне кочка находилась в одном из лучших регионов, и приглянувшаяся самка сразу же откликнулась на призывный весенний зов. Мне не хотелось пока что разрушать сложившуюся иллюзию, и ведь именно так могло получиться, если бы я выложил всё, что знаю и чего достиг ценой огромных усилий. Осваиваясь в новой жизни, я хотел постепенно, по чуть-чуть приучить всех к собственной необычности, чтобы потом уже заставить их поверить мне по-настоящему и получить сполна давно заслуженное. Однако местные квакушки – как и все остальные – не отличались полётом фантазии: стоило завести разговор о великих целях – к которым должно всем стремиться – и взгляд собеседников сразу становился туманным и отсутствующим, так что даже ближайшим соседям – располагавшимся на ближних кочках – я быстро надоел со своими странными историями. Для лучшего переадресования насекомых – говорили они – необходимо сосредотачиваться на токе гормонов, всякие же отвлечения могут лишь испортить желудок, а лишняя потеря бдительности – как известно – также к добру не приводит. «И как тебя до сих пор никакая цапля не подцепила?» Аргумент насчёт цапли выглядел убедительно, но ведь это значит, что какие-то непонятные силы вели меня по жизни и в самом деле отводили от меня все возможные удары! Докажи это только попробуй квакшам, руководствующимся только интересами собственного брюха и не признающим других авторитетов! Так постепенно мне и надоело выступать с заумными речами, которые и так воспринимались как мои личные фантазии. Я уже и сам отяжелел и раздался во все стороны: с таким-то брюхом тяжело было бы уткам везти меня долгие часы без перерыва, а придумывать что-то новое мне больше не хотелось. Даже накидку – защищающую тело от холода и жары – я не доделал до конца, когда обнаружил, насколько я расширился в плечах и в животе. Так что настоящее потрясение перенёс я, когда впервые услышал историю о своих героических странствиях, всю исковерканную и перевернутую, поскольку явно через многие болота и водоёмы пришлось перебираться ей, прежде чем она дошла до меня.

Вначале я даже не сразу понял это: одно лишь упоминание того, как я цеплялся за веточку плотно сжатым ртом, должно было вызвать гомерический хохот у любого более-менее разумного обитателя болота: хотел бы я посмотреть на того, кто смог отважиться на подобный трюк. Я ведь не цирковая лягушка, согласная совершить один смертельный номер, после чего арену пришлось бы убирать и искать на следующее выступление новых артистов! Мои же философские начинания явно оказались недооценены и почти полностью выпали из кадра: что ещё больше доказывает их глубину и самоценность. Моё великое предприятие – несколько раз едва не кончавшееся трагически – выглядело теперь как шальная инициатива решивших поразвлечься уток: и хотел бы я посмотреть, что случилось бы с теми, кто попробует получить от вред-

ных заносчивых птиц хоть что-то, ничего не предлагая взамен! Передававшие из уст в уста историю глупые квакушки явно никогда даже близко не подходили к уткам, иначе они бы не пороли такую откровенную чушь о наших взаимоотношениях: они бы ещё сочинили, как утки ловили бабочек и стрекоз и кормили меня во время полёта! Однако безграничная глупость квакушек остановилась у этой черты, заставляя всех в конце концов прослезиться и расплакаться: при описании уже завершающей стадии истории.

Но больше всего задело и оскорбило меня то, что вслед за рассказанной историей просочился слух о том, что счастливо спасаемая лягушка-путешественница обитает в соседнем болоте и уже по десятому или пятнадцатому кругу рассказывает сагу о своих скитаниях и счастливом возвращении на историческую родину. Будто бы утки – забрав с собой и прокатив её до места зимовки – при отлёте домой снова взяли её с собой. В конце же очередного сезона они захотели повторить ту же операцию, и только неудачное стечение обстоятельств помешало им в этот раз. Я уже хотел было добраться до наглого самозванца и набить ему морду: уж я бы отдубасил его своими закалёнными нелёгкой жизнью ляжками, но продолжавшийся брачный сезон заставил отложить дело, а потом уже из нескольких мест потекли те же пропитанные ложью и коварством слухи. Меня бы подняли на смех, если бы я предъявил свои претензии и попытался отстоять законные права! Слухи же о моей миссионерской деятельности – пусть медленно и тихо – но набирают обороты: я уже слышал из разных мест растекающиеся по болотам и озёрам мои лозунги и призывы: они уже задевают многих, и я верю, что меня действительно ведут по жизни великие могучие силы, которые рано или поздно заставят всех лягушек слиться в едином хоре и выйти на дорогу, которую указал им я: великий учёный и изобретатель, путешественник и пророк.

2007

Крыса

Ещё утром, глядясь в лужу у помойки (усы – в линию, чёлка – по высшему разряду) я ощущал себя полностью счастливым и всем довольным: да и что могло помешать мне в этом тогда? Только что я догрыз горбушку – так и источавшую пряные и столь сильные запахи! – и после спокойно проведённой ночи даже не хотелось спать, так что я решил навестить пару приятелей из подвала ближней высотки, как вдруг: выкатывается из-за бака Огрызок и заявляет: Вожак хочет тебя видеть. Огрызок у нас всегда такими делами занимается: сбегать куда или передать просьбу, но чтобы мне – и в такой форме? Хотел тут же тяпнуть наглеца: однако увидел оскаленную пасть и решил пока не трогать; к тому же явно не случайно он был пропитан наглостью и чванством. Знаю ведь я его крысиную душу – низкую и подлую – и потому стараюсь не связываться: несмотря на явное превосходство и в силе, и по рангу. Сволочь – он и есть сволочь: особенно когда ему Вожак позволяет хамить и совершенно явно нарушать субординацию – святое из святого. А с Вожаком лишний раз связываться – себе дорожке обойдётся, особенно при Рыжем или том же Огрызке: всегда встающих на его сторону.

Выяснять отношений я не стал-таки: уж слишком серьёзен он был и важен; велел указывать дорогу – на что не последовало никаких возражений – я двинулся за ним, стараясь на ходу понять причины столь торжественного приглашения. Ведь прекрасно знает же – где я ночую – и Огрызку явно пришлось немало побегать: чтобы найти меня; так что было бы удивительно: если дело заключается в ерунде, совсем несрочной и почти необязательной: типа родов Красотки или, к примеру, Побирушки.

Я, конечно, не спорю: эпизод это важный и в самом деле торжественный. И когда все окружают нору, а потом Мамочка выставляет новеньких на свет, а все их оглядывают и обливают – то даже мне приятно становится. Однако не хуже они знают и другое: когда я занят – а размышления на досуге для меня имеют чрезвычайное значение – то из-за подобных событий не стану я куда-то бежать. Ну а что они хотели бы: чтобы из-за чьих-то прихотей я изменил образ жизни? Не бывать подобному: никогда и ни за что.

На сходках они всегда шушукуются и выдвигают обвинения: а почему ему сходит с рук, что он оторвался от стаи и ведёт себя так нагло? С первым обвинением я вполне готов согласиться; второе же – полный бред и вымысел. Как мне положено по рангу – так и веду себя. И почему они забывают – кто был их спасителем позапрошлой зимой: ведь это я нашёл тогда лазейку и вывел почти всех из приготовленной ловушки, готовой вот-вот захлопнуться и затопить всех ледяной водой. И кто ещё смог бы сделать подобное: прогрызть за то время, что оставалось до гибели – целый ход в деревянной переборке? Однако не ценят они подобного: и возникают всё больше и больше.

Они спрашивают: почему ты поддерживаешь контакты с врагами и конкурентами? Что мне ответить: а если б не поддерживал, то откуда мы узнали бы дорогу в некое помещение, где висят толстые батоны колбасы и сложены колёса сыра? Они ведь что думают: так просто было всё узнать и разведать, и суметь договориться с другими – уже знающими дорогу – о разделе сфер? Пускай сами попробовали бы: я бы полюбовался на их оцарапанные морды и ободранные хвосты после первого же визита. Сразу заговорили бы по-другому.

Или ещё: а что ты забыл в той высотке, что рядом с нами, и не завёл ли ты там случаем подружку – помимо Мамзельки? Когда об этом говорят втихую – ещё ладно, но на сходке в присутствии Мамзели: уже наглость и свинство. А если и завёл: какое их крысиное дело? Выступает же больше всех как раз Огрызок: вижу я, как он на неё смотрит, и давно бы его ещё больше обкорнал: если бы не заступничество Вожака и Рыжего, так и лезущих туда, где их присутствие вовсе не обязательно.

Но в действительности эти слухи ни на чём не основаны: просто дают хороший повод для посягательства на мой авторитет. И умные порядочные крысы – вроде Мамочки или Бродяги – прекрасно понимают это и препятствуют распространению подобных мнений. А то бы они ещё не того насочиняли: знаю я их интересы и пристрастия.

Что же касается истинных мотивов такого отношения ко мне, то можно сказать с уверенностью: их просто гложет чёрная зависть. Зависть к тому, что мне единственному доступен вход и я один – из всей стаи – могу воспользоваться запасами бесценных напитков, сложенных в некоем помещении. Не напрасно вход туда охраняется столь тщательно и чужакам там если что и светит – то лишь возможность быть покусанным. Заведя же себе приятелей – что было для меня не слишком-то сложно – я получил возможность в любой момент окунать усы в лужу с бархатным тёмным пивом. Не всегда, впрочем, во время моих визитов туда я обнаруживаю на полу разлитую лужу, у которой толкается с десятков разомлевших и уже нагружившихся приятелей: и вот тут наступает мой звёздный час, и мои авторитет и значимость резко поднимаются.

Потому что только я один – из всех, с кем до сих пор меня сводила судьба – способен на такое: разгрызть жестяные банки. Я торжественно вползаю в зал, где все уже в нетерпении ждут и выстроились – наподобие почётного караула – давая дорогу к заранее приготовленной батарее. Иногда даже за мной специально присылают: если я долго не появляюсь и почему-либо люди – использующие помещение под свои надобности – ничего не разливают и таким образом вынуждают нас самих братья за дело. По силе и крепкости резцов мне нет равных, и тут-то я и использую их с максимальной пользой и выгодой. Я обхватываю банку всеми лапами и крепко прижимаюсь к ней телом, а потом делаю резкий надкус, и если всё проходит успешно, то что тут потом бывает! Фонтан брызг и суесящиеся рядом приятели, подставляющие в нетерпении морды, а я иду к следующей банке, чтобы проделать ту же операцию.

Однако следует признать, что надо с осторожностью подходить к выбору банок: иногда мне подсовывают – безусловно, ненарочно – ёмкости с такой жидкостью, какую ни одна нормальная крыса пить не станет. По внешнему виду почти невозможно отличить их друг от друга: везде что-то нарисовано, но попробуй просто так разберись – а что же в них такое? Так что вначале я стараюсь принохиваться к тому, что к банкам прилипло, и только потом уже – оставив в покое подозрительные и непонятные – приступаю к главной процедуре.

Открыв же нужное количество – о чём хозяева тут же с благодарностью сообщают – я забираюсь в укромное место и устраиваю себе удобное лежбище. Не стану же я толкаться со всеми в одной куче: может, кому-то и приятно подобное, но только не мне. Отгрызёшь этак краешек и лежишь потом блаженствуешь: усы и морда пропитываются драгоценными ароматами, желудок заполняется, а в душе воцаряются довольство и покой. И никакая банда – Вожак вкупе с Рыжим и Огрызком – уже не страшна и не играет никакой роли: хоть всех их вместе сюда подавай!

Но в действительности я хорошо понимаю опасность такой эйфории: и не дай бог мне в подобном состоянии вступить в настоящую схватку. Из своего укрытия неоднократно я имел возможность наблюдать за хозяевами, устраивавшими – после солидных возлияний – выяснения отношений и даже ранговые поединки. Насосутся этак две крысы – находясь в разных углах лужи – до умопомрачения, а покрасневшими глазами уже друг на друга так и посверкивают, пока наконец одна из них – вспомнив о былых счётах и обидах – не хлестнёт хвостом по луже: облив и врага, и нечаянных свидетелей; свидетели – кто не хочет лезть – конечно в сторону, а две обалдевшие крысы прямо тут же – посреди пивной лужи – и начинают поединок.

Однако ничего интересного и увлекательного в смысле качества приёмов или тактических уловок, не говоря о скорости перемещения здесь не происходит. Уж как они стараются и изображают ярость и желание разделаться с врагом! однако на практике всё это реализуется в жалкие полусмешные выпады и столь же нелепые уходы, и больше всего – в неумелое пыхтение и топтание, так что встретившись в подобном состоянии с настоящим противником –

не нагрузившимся драгоценной жидкостью – даже сильный взрослый самец не всегда одолеет неопытного юнца. Чем некоторые из юнцов – для поднятия авторитета и ранга – и пользуются: специально ждут они, пока подходящий противник нагрузится как следует, и только потом уже вылезает из какой-нибудь дыры и начинают хамить и приставать.

Так что во время подобных эксцессов лучше находиться на расстоянии: здесь и безопаснее, и обзор намного выгоднее, не говоря об угрозах со стороны естественных врагов: кошек или собак. Ведь когда крыса в полной готовности: уши торчком, глаза горят, а нос так и ходит из стороны в сторону, оценивая многообразные запахи – попробуй её поймай в тёмном подвале, заставленном ящиками и мешками: даже огромным взрослым котам далеко не всегда удаётся справиться и весьма часто они остаются ни с чем. Пьяная же крыса – лёгкая добыча даже для невыросшего котёнка или собаки, даром что для собак мы не являемся пищей и служим лишь забавой: для охотничьих игр.

Что же касается собак, то лишь на открытом пространстве у них появляются весомые шансы на успех: уж в бегодне-то они сильны как никто, и тут спасение крысы – в её находчивости и проворстве. Ведь одной агрессивности может и не хватить – собаки такие встречаются, что даже взрослая полноценная крыса может целиком поместиться в её пасти – и когда в отчаянии она начинает бросаться, то ведь одним ударом лапы такой барбос может оглушить её, а потом уж добить, сдавив всего один раз мощными челюстями безвольное слабое тело.

Из чего в результате следует главная крысиная мораль: осторожность, осторожность и ещё раз осторожность! Наша жизнь – это жизнь в подполье, по углам и щелям, выход из которых допустим лишь в наиболее благоприятных условиях: ночью, когда дозорные не дремлют и тщательно стерегут общий покой – вот тогда-то мы и разгуливаемся, реализуя главную стратегическую цель и задачу, до воплощения которой всё же пока далеко: заполнить собой весь мир. Размышляя на досуге – что вызывает такое недовольство сородичей – я пришёл к неопровержимым выводам: ведь если наше преимущество в полной мере реализуется в узких ходах и коридорах, то для достижения цели весь мир обязан стать одним сплошным коридором, лазая по которому – по всем сторонам и направлениям – мы быстро наведём порядок, подчинив себе всех прочих – а также уничтожив тех, кто с нами не согласится.

Когда я проповедую подобные идеи – что случается не слишком часто – то многие задают вопрос: а как этого достичь? Готовых рецептов у меня, разумеется, нет, ну а кто на моём месте смог бы составить чёткий и понятный план действий? Я пока не встречал таких, но твёрдо можно утверждать одно: надо думать, думать и ещё раз думать. Может даже: отобрать на совете – созванном всеми стаями и кланами – специально тех, кто способен заботиться не только о низшем – как достать, например, кусок сыра из крысоловки; предоставив же в их распоряжение все возможности – опыт поколений и материальные ресурсы – вполне допустимо было бы рассчитывать на какие-то результаты. Главным же направлением должна стать борьба с самым сильным и опасным врагом: с человеком.

Ведь сколько существует легенд и сказаний, затрагивающих наши взаимоотношения – чаще окрашенные в трагические тона, и очень во многих из них можно найти указание на близкое наше родство. Подойди к любой самой задрипанной крысе и спроси её: кто есть крыса человеку? – и без запинки она ответит: младший брат. А ещё спроси: почему же они так плохо к нам относятся? и получишь ответ: а потому что они нас предали. Азбучные истины, не требующие доказательств и проверки, и вынуждающие нас – с прискорбием – считать человека главным врагом и противником.

Потому что в действительности – признав нас союзниками и младшими родичами – люди ведь могли бы получить очевидную выгоду. Оказав нам поддержку – всего лишь на начальном этапе – они помогли бы нам уничтожить мышей, кротов и прочих вредителей. В свою очередь им пришлось бы покончить с кошками и собаками: нашими естественными врагами. В этом плане я даже не претендую на нашу гегемонию: мы честно разделили бы сферы влияния, после

чего наступило бы общее благоденствие, ненарушаемое войнами и конфликтами: то, что на поверхности – собственность людей, находящееся же внутри укрытий – уже в нашей компетенции.

Однако необходимо признать, что подобный план вряд ли имеет даже малейшие шансы на успех: не согласятся люди на избавление от верных друзей и помощников – кошек и собак – и потому мы должны сами позаботиться о своём процветании. А то, что будущее за нами: кто может в этом сомневаться? Ведь даже только родившиеся крысята, едва оторвавшись от материнских сосков – даже они сразу узнают и понимают: мы – будущие властелины мира! Да и как может быть иначе: кто лучше нас приспособлен к самым невыносимым условиям – жаре, холоду, отсутствию пищи и всему остальному, что способствует противоестественной убыли? И мы бы ещё посмотрели: а что случилось бы с теми же кошками или собаками, окажись они в наших условиях и попав под столь же жёсткий прессинг со стороны самой грозной и опасной силы: человека.

Они ведь предатели: предатели давние и злобные, предатели подлые и нераскаявшиеся, и только постоянно усиливающие на нас давление. А как поступают с предателями? Их уничтожают: жестоко и беспощадно. Я могу представить себе это зрелище: когда они ослабнут – что по всем законам неминуемо и рано или поздно произойдёт – вот тогда мы и вылезем из всех подвалов, нор и щелей – вот это будет зрелище! – когда лавина боевых крыс, всё сметая и уничтожая по дороге будет истреблять их всех – одного за другим – как они истребляют нас, не считаясь ни с какими нормами и приличиями. Когда же всё закончится и последний человек станет прахом, а все их творения – включая живых тварей, находящихся под их контролем и покровительством – найдут достойное применение либо будут также уничтожены – вот тогда и наступит наше время: золотое время уже вечного крысиного царства!

Если же говорить серьёзно, то нужно уже сейчас думать о его приближении. Чему и посвящены мои размышления на досуге: в первую очередь. Но именно подобное занятие вызывает негативную реакцию горячо любимых соплеменников: во главе с Вожак и Красоткой. Для них есть только этот день, которым они и живут, совершенно не заботясь о будущем. Иначе как следует относиться ко всем их претензиям и придиркам: не помогает, мол, в повседневных делах и заботах и ведёт антиобщественный образ жизни? Не желают они понимать: с повседневными делами и Вожак справится, у меня же иная стезя: быть первооткрывателем. Разве я претендую на его главенство над всеми и отказываюсь помогать стае – когда действительно необходимо: отбиться от врагов или освоить новый ареал? Ничуть не бывало: на скольких крысиных шкурах остались следы моих зубов и скольких врагов я обратил в бегство: получив при этом сам немало ран и рубцов. Но разве их заботит подобное: им лишь бы покричать побольше – для поддержания авторитета и его возможного укрепления, независимо от заслуг и возможностей, по которым и должна строиться истинная иерархия в настоящей и полноценной крысиной стае.

Ведь когда Вожак говорит – «я первый» – то за этим скрывается его действительное превосходство в силе и массе, помноженное на его постоянную заботу обо всех и каждом. Уж как он умеет продемонстрировать своё лидерство и поставить на место возмнившего о себе слишком много наглеца и самозванца: он только рыкнёт разок и взглянет этак многозначительно, и где же тогда вся спесь и наглость? уже улетучилась, и снова в стае воцаряются мир и покой. А забота о приболевших и временно нуждающихся в помощи и поддержке? Всяческого уважения заслуживают его действия в столь сложных ситуациях, и далеко не каждый предводитель и вождь стаи станет отдавать самые ценные куски – колбасу и даже сыр – тем, кто ниже и слабее.

А как умеет он организовывать торжественные дни и события! Мы собираемся на дни рождения – свои или только родившихся крысят – и достаём всё самое лучшее из спрятанных запасов: сыр, колбасу, сало, и даже – если мне удаётся выклянчить и переправить на своём горбу – банку тёмного бархатного пива! Вот когда бывает радость и веселье, и мы славим

виновников торжества, великого крысиного бога и ближайших к нему среди нас: Вожака и Красотку.

И только по одному направлению есть у меня к нему весьма серьёзные претензии. Уж очень нравится ему создавать себе любимчиков, не считаясь при этом с истинной иерархией. Я вполне мог бы понять, если бы предпочтение отдавалось в соответствии: что ещё больше цементировало бы стаю. Однако конкретные действия ведут на самом деле к прямо противоположному, не украшая в то же время самого предводителя: кто будет слушаться и соблюдать иерархию, если от подхода всего одной крысы – пусть даже главной и доминирующей – зависит твоё положение? Тут уж все будут стараться заслужить её максимальное расположение, и даже самый последний начнёт подлизываться в тайной надежде на повышение по рангу. И весьма немногие понимают опасность подобного положения, ведущего к постоянному разброду и неуверенности, когда ни одна самая уважаемая крыса не может поручиться за своё завтра и вынуждена находиться в постоянном страхе и напряжении.

И только я один стараюсь этому противостоять. Однако что могу я поделаться с мерзавцами типа Огрызка или Рыжего, так и лезущих на рожон, не забывая при этом восхвалять могущественного предводителя, обеспечивающего им в свою очередь поддержку и защиту в сложных ситуациях? Им достаточно намекнуть: он покушался, мол, на твоё лидерство, и какова же реакция Вожака на подобную ложь и клевету? Уж тут – сознавая реальность угрозы – он ведёт себя по-иному: не как с прочими, не имеющими против него никаких шансов; сразу же он резко взбадривается и начинает мелко трясти хвостом, раздавая случайным соседям лёгкие тумачи и оплеухи, когда же его взгляд скрещивается с моим, то столько злобы и ненависти я вижу в нём, и с таким большим трудом удаётся мне сдержаться и не ответить на ничем не спровоцированный выпад.

Так что меня чрезвычайно удивило приглашение Вожака на встречу. Однако я не выдал чувств и не спеша потрусил за Огрызком мимо баков к главному лазу. Глядя на переваливающуюся походку – из-за отсутствия нескольких пальцев – мне стало смешно и весело: и этакий-то обалдуй – даже не целая крыса, а только часть – смеет мне хамить и что-то приказывать? Тут же я стал прикидывать: какую ляжку лучше куснуть – правую или левую – для придания ускорения наглецу, однако он, видимо, что-то почувствовал и сам прибавил ходу.

Сразу после вступления в главный лаз мы повернули налево; направо же находился ход к норам, где – как я думал – должен был ждать Вожак. Налево – куда мы двинулись теперь – есть помещение для общих встреч: в большом подземном резервуаре мы собираемся все вместе, что чаще всего происходит в торжественных случаях. Однако ничего такого в ближайшие дни не ожидалось, и мне стало даже интересно: что же произошло такое, из-за чего Огрызка – этого жалкого инвалида – погнали аж в самый дальний конец нашей территории.

Когда мы вступили в помещение, то я приветственно помахал хвостом: все или почти все находились уже тут, здороваться же со всеми подряд мне не хотелось. Общая реакция меня удивила: сразу же все обернулись, и я заметил, как в нескольких местах начались таинственные перешёптывания, что совершенно мне не понравилось, потому что я понял: речь пойдёт обо мне.

А вожак уже забрался на возвышение в центре, и когда я подошёл ближе, то среди настоженного молчания наконец прорезался его голос. – «А вот и он пожаловал».

Тут же я посмотрел на его хвост: однако он не выдавал признаков сильного возбуждения, и я сразу несколько успокоился. – «Зачем вызывал?» – «Дело есть». – «Такое срочное, что понадобилось отвлекать меня от важной встречи?» – Он проигнорировал выпад, но его хвост мелко задрожал, и только спустя какое-то время он выдал. – «Судить мы тебя будем!»

Я аж поперхнулся: настолько всё было неожиданно и неправдоподобно, вызывая самые худшие подозрения. Если кому-то что-то не нравится – даже Вожаку – то никогда я не был против честной драки: один на один. Суд же есть нечто спорное и неправильное, когда дело

решается не остротой клыков или реакцией, а субъективным мнением пристрастного сборища крыс. Тем более что сегодня я находился в прекрасной форме, и даже Вожак казался не слишком опасным соперником.

Я тут же вызвал его на поединок: очень быстро я довёл себя до возбуждённого состояния, так что все рядом стоявшие отползли как можно дальше в стороны, освободив пространство для поединка. Я хлестнул хвостом по земле, вызывая Вожака: он уже загорелся, и весь в предвкушении я готовился к первому броску, но неожиданно между нами выполз посторонний, и по крупным клыкам я узнал Рыжего.

«Мы сюда зачем собрались: для драки? Нет: мы собрались, чтобы судить жалкого отщепенца, позорящего всю стаю в глазах честных порядочных крыс. Вы только посмотрите на него: сейчас утро, а он уже выспался, причём где выспался-то? Нет: не в родном гнезде рядом с Мамзелью, и даже не на территории поселения, где его острые клыки и резцы всегда могут пригодиться родной стае: для отражения неприятеля. А если он хочет драки, то получит её потом, когда мы вынесем ему приговор!»

В чём я могу позавидовать Рыжему – так это его умению красиво и ясно излагать идеи: ни одна крыса так не умеет, и он не напрасно имеет третий рейтинг в стае: после Вожака и меня. Почти сразу же ситуация изменилась: соплеменники снова стали сползаться вокруг, и я уже просто не мог вызвать кого-то на драку: тогда все ополчились бы на меня одного.

А Рыжий не утихал. – «Ведь чем должна порядочная крыса заниматься ночью? Искать пропитание и обеспечивать родную стаю всем, чем только можно: и едой, и напитками, и материалами для строительства гнезда. А чем же занимался он этой ночью, так же как и большинство ночей до того? Дрых в какой-то дыре, наплевав и на стаю, и на любимую подругу, работавшую в это время наравне со всеми: не покладая лап и хвоста!»

«Но это ещё не всё: ведь когда наконец он заявляется в стаю, то как он себя при этом ведёт-то? Нагло и чванливо, как будто здесь какие-то жалкие мыши! Ведь сколько из вас, дорогие соплеменники, испытали на своей шкуре притеснения со стороны этого мерзавца, да и даже я сам неоднократно подвергался унижениям: да-да, сколько раз он использовал дарованные ему великим богом качества не на благо нам – а во вред, принося одни только беды и несчастья!»

Если предыдущее имело какой-то смысл, то последняя реплика являлась полной клеветой, и тут уж я не выдержал. – «Ах ты, крысиное отродье...» – Однако он прекрасно держал себя. – «Ага, вот видите, любезные сородичи: как он не любит критики в свой адрес! Но ведь это не вся правда, а только половина: когда же я выскажу всю, то сразу станет ясно, какой приговор совершенно неминуемо ждёт его сейчас!»

Я хотел броситься на негодая, но сразу трое или четверо встали у меня на дороге: они оскалили пасти, и мне пришлось отступить. Тогда я поискал Мамзель: она скромно стояла в глубине, ни на что не реагируя и даже не замечая моего смятения и растерянности.

«Разбирая же его поведение дальше, мы с возмущением и негодованием должны заметить: какая нормальная порядочная крыса станет поддерживать отношения с нашими врагами и конкурентами? Совершенно верно: ни один из нас этого делать не станет; не потому, что не сможет завязать дружественных контактов – нет, ему просто противно будет иметь дело с теми, кто не даёт нам жить спокойно и занимает наш ареал. Ведь чем больше пищи, тем крупнее стая, и потворствующий нашим врагам есть наш враг!»

«А его выступления? Насосавшись разных напитков он возвращается в стаю: и разве он ползёт в родное гнездо, чтобы тихо и мирно пережить свой позор? – нет, дорогие сородичи, ничего подобного! Он шляется по поселению и смущает честных порядочных крыс – уставших за ночь – сомнительными непонятными разговорами, ведущимися без видимой цели и порядка! Или я ошибаюсь: и у них есть-таки цель, цель коварная и вероломная?»

Если бы не добровольные охранники, снова обнажившие плотные частоколы зубов, то я безусловно загрыз бы сейчас Рыжего: подобного скопления лжи и ненависти я никак не заслуживал и не мог заслужить, и наконец я понял: это был заговор, давно организованный и готовившийся в тайне от всех. Даже Мамзель – судя по всему – удалось провести этим мерзавцам и негодьям: а уж она-то какая любопытная и дотошная крыска!

«Но и это не всё ещё! А ведь от этого эгоиста страдает не только стая – нет! – страдают и самые близкие: ведь где настоящий отец семейства должен находиться днём? Правильно: в гнезде или рядом с ним, оберегая покой любимой подруги и потомства, а также во всём им помогая. Впрочем, что касается потомства: разве при таком образе жизни дождёшься от него настоящих полноценных наследников, будущую надежду и опору стаи?»

Это выглядело уже полным издевательством, причём не только надо мной: Мамзель просто обязана была возмутиться и хотя бы попробовать куснуть наглеца. Однако она молча проглотила всё и даже не поморщилась: мне уже совершенно не нравилось такое положение.

«Ты лжёшь, Рыжий!» – «Ага, вы видите, дорогие соплеменники: ему нечего возразить на все мои обвинения, но ведь – для убедительности – я могу представить и свидетеля!»

Мерзкое сборище заволновалось: они все заглядывались, пытаясь понять – кто же свидетель? – и тут я похолодел, увидев, как на возвышение рядом с Рыжим забирается моя Мамзель.

Ведь разве я не любил её и не приносил самых вкусных и жирных кусков – которых не видел никто никогда в стае? И кто больше имел возможность пробовать пиво, втайне доставляемое мною из далёкого подвала, что я делал значительно чаще, чем докладывал о том любимым соплеменникам? И разве недостаточно ей было любви, которую я дарил ей два года, что мы жили вместе?

А Рыжий разливался уже дальше. – «Вы только спросите её: прав ли я, предъявляя многочисленные и весьма тяжкие обвинения? И тогда уж вы сами бесспорно вынесете приговор, который он давно заслуживает!»

Это было выше моих сил – стоять и наблюдать, как меня хладнокровно и последовательно продают со всеми потрохами: я бросился к ближайшему противнику и рванул его за плечо, и сразу после этого на меня кинулись четверо или пятеро. Я сцепился с одним – это был Огрызок – и покатился колесом, стараясь увернуться от быстрых укусов, однако слишком уж явным было преимущество: кто-то вгрызся мне в холку, и если бы я не отпустил всю визжавшего мерзавца – меня самого могли бы отправить к крысиным праотцам: потеряв кусок шкуры я сбросил-таки врага и расшвыривая всех кинулся по главному туннелю на свободу.

Бежал я достаточно резво, но никто, видимо, и не пытался догнать меня: в драке один на один я справился бы почти с каждым, убивать же меня они не собирались. Целью их заговора могло быть одно из двух: либо изгнание из стаи, либо моё перемещение на нижнюю ступень иерархии, с чем я никогда не согласился бы. Главное же заключалось в ином: Мамзель предала меня – подлю и низко, как будто мы не прожили вместе так долго и не пережили столько горя и радости! Теперь я понимал Огрызка: этому-то мерзавцу и должна была достаться моя Мамзель, и потому-то он и выглядел так нагло и заносчиво, и очень жалко стало мне теперь, что я так и не осуществил тайную прежде мысль: перегрызть ему глотку.

Пережив первый шок я перешёл на мелкую рысцу: здесь требовалось уже следить за обстановкой, чтобы не налететь на кошку или собаку, занятую добыванием пищи. Моё тайное убежище находилось на границе участков, и пока я собирался отсидеться в своей норе: вряд ли кто полез бы ко мне выяснять отношения дальше, и кроме того: недалеко находились тайники с запасами еды и напитков.

Добравшись до места я тщательно проверил ситуацию вокруг: никаких следов или запахов мне обнаружить не удалось, и тогда я принял некоторые меры безопасности: перетаскив в нору

банку пива и несколько кусков сыра я забил вход изнутри приготовленной заранее заслонкой, и только тогда уже успокоился и приготовился к погружению в тоску и апатию.

Я пил тёмное ароматное пиво, а потом грыз сырныe обрезки, и снова пил, а потом погружался в странный тревожный сон: никто не приставал ко мне наяву, зато во сне я загрызал по очереди всех тех мерзавцев, кто так яростно боролся против меня, устроив подлое судилище: сначала я расправлялся с Огрызком – что было совсем несложно, затем наступала очередь Рыжего: тут следовала короткая стремительная схватка, в конце которой я перегрызал ему глотку, извергавшую столько лжи и ненависти, и потом приходил черёд Вожака; мы долго кружили, примериваясь и делая ложные выпады, а потом неожиданно сплелись в яростном порыве, и уже нельзя было разобрать – где чьи лапы, хвосты и зубы – но именно последнее и выручало меня: сдавив резцами глотку я душил его, не давая вырваться и напасть на меня: его судьба была предreshена, и когда он начинал биться в агонии, то я ещё сильнее стискивал челюсти, даря ему лёгкий и быстрый конец.

Я потерял связь с реальностью: догрызая остатки сыра я находился в непонятном полусонном состоянии, не решаясь что-либо сделать: потрясение всё ещё не прошло, и когда я услышал поскрёбывание и шорох, то не сразу понял, что кто-то пытается проникнуть ко мне. Очевидно, это не были враги: Вожак с бандой устроили бы либо шумную осаду, либо наоборот: постарались бы засыпать меня окончательно. Так что я постарался взбодриться и после некоторых усилий – обусловленных физической слабостью – отодвинул-таки заслонку в сторону: как я и думал, у порога стоял мой единственный друг и союзник: Бродяга.

После обмена приветствиями мы забрались обратно в гнездо: так было безопаснее и спокойнее. Бродяга был взволнован и сразу приступил к делу. – «Уходить тебе надо отсюда. И желательно быстрее». – «А в чём дело?» – «Облаву на тебя хотят сделать: ты ведь на нашей территории. И готовятся многие: не только Вожак с подручными». – Мы помолчали. – «А Мамзель?» – «Она с Огрызком: и Вожак пригрозил, чтобы никто к ней больше не лез: это он с Огрызком расплачивается». – Стало тошно, но я пересилил себя и постарался представить, что это мне уже безразлично. Хотя это было и не совсем так. – «А давно был заговор?» – «Да порядочно: когда ты устроил себе эту нору, вот тогда и началось. И Мамзель твоя всё знала с самого начала». – «Она тоже участвовала?!» – «Возможно. Но сейчас тебе надо уходить: у них серьёзные намерения. Хотя и не все на их стороне: но их больше». – Стало грустно, и я понял, что расставание с прежней жизнью неизбежно и будет только хорошо, если это случится быстро и резко.

«А инициатором заговора был, небось, Огрызок?» – «Точно: он всё подзуживал Вожака и старался натравить его. Пока их интересы не совпали. Так что теперь они празднуют победу, а всех несогласных шпыняют. И я решил немного побродить: пока всё не успокоится». – «Так пойдём вместе!» – «Не могу: ты теперь враг стаи, а за общение с врагами: сам понимаешь, что бывает. У них же теперь как? У них теперь единство и сплочение вокруг любимого вождя, данного небом и землёй. И все, кто так не считает: сразу становится отщепенцем и предателем. С соответствующими последствиями. Они на этом Старого поймали. И под меня хотели соответствующий базис подвести». – Мы ещё помолчали, и я понял, что настало время прощания: возможно, навсегда.

«Ты иди первым, бродяга: не люблю я долгих расставаний и кроме того: всё-таки я попробую замаскировать лаз. Только не протрепись никому: договорились?» – «Ну прощай». – Он взмахнул напоследок хвостом и растворился в длинном коридоре, ведущем наружу, а я взялся за весьма сложную и сомнительную задачу: забить вход в гнездо таким образом, чтобы ни одна – даже самая находчивая и умная крыса – не догадалась о наличии за переборкой уютного и вместительного помещения, с которым у меня оказалось связано так много приятных и трогательных воспоминаний.

Умяв землю и набросав мусора – хотя кого могла обмануть подобная декорация? – я наконец занялся вопросом: а куда же мне двигать дальше. Привлекательнее всего выглядели две стаи: хозяйева пивного подвала и обитатели высотки, от визита к которым меня отвлек Огрызок накануне судилища. Учитывая же личные отношения – что казалось гораздо важнее и основательнее – мне нужно было присоединиться ко вторым, к чьей стае принадлежали мои лучшие приятели: Длинный и Толстяк.

Возможно, они единственные – не считая Бродяги – кто мне сочувствует и понимает то, что я пытаюсь делать. Приятнее же всего обсуждать с ними вопросы, вызывавшие столько неудовольствия у Вожака и прочих: о наших перспективах на будущее. Ведь почему они старались уйти от столь важных тем, третируя и всячески понося меня? А потому что сами не способны, и кому же охота выявлять свою полную несостоятельность и почти что бездарность – несмотря на высочайший ранг и положение? Потому-то и зажимали они мне рот, а в конце устроили позорное судилище, блестяще срежиссированное и организованное: теперь я в этом не сомневаюсь.

Так что лучшего варианта мне было не найти. Однако перед столь важной встречей желательно было привести себя в порядок: откопав пару сухарей из тайника я сытно пообедал, после чего почистился и тщательно умылся в луже у входа в нору.

Добравшись – после нескольких марш-бросков, обусловленных возможной опасностью – до подножия высотки, я нырнул в знакомый уже лаз, где – как и следовало ожидать – почти сразу наткнулся на крысу, уже обнажившую плотный частокор зубов. Что-то я не помнил его, да и он, возможно, видел меня впервые: я дружественно шевельнул ушами, и – чтобы продемонстрировать мирность намерений – ещё и отступил на шаг назад и отвёл взгляд в сторону. – «Извини, друг, что напугал: я по делу к твоим соплеменникам. Длинный и Толстяк: знаешь таких?» – Он настороженно кивнул, но моё поведение подействовало благотворно, и он явно поверил, что я пришёл с миром.

«Они сейчас в гнёздах?» – «Должно быть. Дорогу ты знаешь?» – Я кивнул. – «А то могу проводить. Тебя как звать-то?» – «Зубастиком». – «Ах, ты тот самый?» – «Ага. Ну ладно: спасибо, я пошёл». – Мы разминулись в узкой горловине, и я двинулся в том направлении, где – как я помнил – находились гнёзда местных обитателей.

Довольно-таки долго пришлось мне рыскать по длинным коридорам и галереям, натываясь периодически на местных жителей: почти все к счастью были мне знакомы, единственного же не знавшего меня вполне убедил широкий оскал, после чего испуганный абориген растворился где-то в потёмках и больше не появлялся. Нужные же мне Толстяк и Длинный всё никак не попадались, пока я не догадался расспросить об их местонахождении очередного встречного; довольно подробно он объяснил мне маршрут к совсем рядом расположенному гнезду Длинного, после чего я достиг-таки первой цели: добравшись до гнезда я громко позвал его и сразу же наткнулся на удивлённую сонную физиономию.

«Привет». – «Здорово. Ты откуда взялся?» – «Да вот: выгнали». – «Откуда? Из стаи?!» – «Да: и теперь я свободен как ветер». – «А как же твоя...» – «Она больше не моя. И не стоит об этом». – Мы помолчали. – «Хочу вот к вам проситься: примете в стаю?» – «Это с Толстяком надо обговорить: у него выше ранг и авторитета больше. Пошли к нему». – Я посторонился, давая Длинному дорогу, и припустил вслед за ним, стараясь не упускать из виду юркое и проворное длинное тело.

Мы завалились в гнездо, когда его обитатель сладко дрых, что привело к не самым благоприятным последствиям и результатам: не разобравшись он сразу развопился, и только спустя время мне удалось ввести его в курс дела. «Так что теперь я свободен и хочу проситься к вам. Это возможно?» – «Вполне. За новичка кто-то должен поручиться – что он будет работать на стаю, и потом должна пройти специальная церемония: это в обязательном порядке. Но она не

слишком сложная». – «И вы для меня сделаете это?» – Я испытующе посмотрел на Толстяка, но он уверенно выдержал взгляд, и только кивнул в ответ, коротко и внушительно.

«И что же для этого требуется?» – «Мы представим тебя стае. Потом же – когда соберутся все взрослые – тебе предстоит вместе со всеми повторить клятву верности. И тогда ты станешь полноправным членом». – «И всё?» – «И всё». – «Вы это сейчас для меня сделаете?» – «Неовремя ты конечно». – Толстяк зевнул, весь передёрнувшись. – «Но раз надо – будем делать. Ты здесь пока подожди: когда мы всё подготовим, то вернёмся. Благо что сейчас день, и большинство должно быть в норах. А пока располагайся». – Толстяк, а за ним и Длинный не спеша покинули весьма вместительное и с любовью отделанное обиталище, и в ожидании новостей я свернулся калачиком, решив подремать накануне неведомого испытания.

Однако долго мне поспать не удалось: сильный топот и возня мгновенно разбудили меня, и почти сразу в нору ввалилось несколько местных обитателей, заполнив всю её шумом и толкотнёй. – «Так ты и есть, значит, Зубастик?» – Передо мной оказался самый крупный и толстый из аборигенов: должно быть, местный вожак. – «Я самый. А тебя как звать?» – «Серым. Наслышан я о тебе: ты – можно сказать – одна из наших легенд. И мы рады принять тебя: а сейчас как раз оповещаем всех. После же церемонии тебе покажут пустующие норы: и тогда сможешь выбрать себе жилище. А сейчас пойдём». – Он развернулся и первым покинул уютное обиталище, за ним колонной вытянулись остальные попутчики, только посверкивавшие на меня глазами, и последним выскочил уже я, стараясь предугадать на ходу своё ближайшее будущее.

Но двигались мы достаточно быстро, постоянно сворачивая то вправо, то влево, так что ничего значительного и серьёзного я просто не успел осознать и придумать. Наконец длинный ход кончился: мы вползли в весьма объёмистое помещение, даже превосходившее место собраний у прежней стаи, и я ясно понял: именно сюда мы и направлялись.

«У нас для новичка на церемонии приёма всегда почётное место – на помосте. Это чтобы тебя все видели: и для запоминания, и чтобы проверить искренность намерений. Ты ведь очень хочешь к нам?» – Серый уставился на меня любопытствующим взглядом, и не оставалось ничего другого, как энергично кивнуть и залезть на площадку у одной из стен: именно это место, безусловно, он и имел в виду.

Ждать и в нетерпении посматривать на вожака – главного организатора – мне пришлось довольно-таки долго: не слишком хорошо, видимо, местные обитатели относились к порядку и позволяли себе некоторые вольности. Однако я не решился свернуться калачиком и задремать: прибывшие могли воспринять это за неуважение, что совершенно не соответствовало бы действительности и было мне также невыгодно. Новое положение в новой стае должно было устроить меня – хотя бы на первый взгляд, близость же к прежнему ареалу наравне с хорошим знанием местности давали мне заметные преимущества: и место в иерархии – где-нибудь после Серого – просто должно мне было быть обеспечено.

Ожидание кончилось, когда в зал завалилось сразу несколько местных обитателей – после чего Серый выбрался из общей кучи и приблизился ко мне. – «Мы начинаем». – Он взобрался на ступеньку – чуть ниже меня – и обернулся к сородичам, сразу потянувшимся в нашу сторону. – «Все вы знаете о причине сбора: приём нового члена – всегда радостное событие, ведь мы не берём к себе всех подряд, в данном же случае речь идёт о личности почти что легендарной – о нём почти все наслышаны – и даже рекомендации Толстяка и Длинного не способны добавить ничего нового к тому уважению, которое мы – уже заранее – испытываем к новому члену нашей стаи. А теперь приступим». – Серый обхватил своим хвостом мой хвост, и все остальные сделали то же: они распределились по двое или по трое, сцепившись и обернувшись в нашу сторону, и по сигналу вожака забубнили давно заученный текст, предоставляя мне возможность – после каждого отрывка – повторять его в полном одиночестве.

«Когда мы вместе – то мы сильны – коготь за коготь – зуб за зуб – сплетёмся же дружно хвостами – назло врагам – на радость Маме».

Лихо отбарабанив слова ритуала – что оказалось совсем несложно – я спустился к приятелям, уже поджидавшим меня в быстро пустеющем зале. Мы пропустили оставшихся – шумно галдящих и обсуждающих новости – и только потом не спеша потрусили обратно. – «Вобщем неплохой у вас ритуал: весьма способствует укреплению порядка. А кто такая Мама?» – «Это же наша святая: прародительница, которая оттуда за всем следит и радуется нашим победам, огорчаясь в то же время неудачам. Это каждый обязан знать». – «Ага, это ваша религия... И вы серьёзно в неё верите?» – «Ну ещё бы!» – Толстяк быстро огляделся, и потом зашептал мне на ухо. – «Попробуй только не поверь: тебя в два счёта выпрут из стаи. Кстати: а не за подобное тебя выгнали твои бывшие?» – «Да нет: религия тут ни при чём. Захотелось им – вот и выперли: и без всякой религии. Там был явный заговор нескольких мерзавцев: просто их интересы совпали, и я оказался общим врагом». – «Понятно. Мы рады, что ты пришёл к нам: надеюсь, ты быстро освоишься. А сейчас подыщем тебе жилище: у нас есть заброшенные и пустующие. Но желательно успеть до темноты: когда пойдём добывать пищу, надо, чтобы ты был с нами. Так что советую поторопиться». – Толстяк прибавил ходу, и мы понеслись по длинной узкой галерее, в конце которой – я надеялся – меня ждёт новая нора и новая жизнь: как продолжение и отрицание старой жизни.

II

И как это интересно так происходит: стоит только сказать всем правду – и сразу они ополчаются и начинают клеветать и делать подкопы. Вот так же и вчера: не успел я заснуть в своей тёплой ухоженной берлоге, как заваливается Длинный и шёпотом так – чтобы никто не подслушал – излагает мнения, услышанные за последние сутки. Мнения, разумеется, относящиеся ко мне и весьма негативно настроенные. Началось же всё с разговора с Ушастым и стычки, последовавшей затем. А что он хотел ещё: надо же мне утвердиться и завоёвывать себе место, в наибольшей мере отражающее реальную ситуацию. И когда крыса, незаслуженно занимающая моё положение, оказывается на дороге, то моя святая обязанность – поставить её на место. В результате же поединка – по всем правилам проведённого – мой статус заметно возрос и укрепился, если же при этом противник оказался ощутимо потрёпанным и покусанным – то не моя в том вина, а исключительно его собственная: пожелай он сдаться раньше – разве стал бы я обдирать его до крови, так что впору менять ему прозвище – к примеру, на Одноухого. Разумеется, он не смирился с поражением: в тот же день – как выяснилось – он оповестил ближайших друзей и родичей, искажив в то же время смысл моих слов. В результате чего многие стали подозревать во мне предателя и лазутчика, втёршегося к ним в доверие: абсолютно ложное мнение, ни на чём не основанное!

Реальный же смысл моих слов заключался в ином: вместо того, чтобы одним стаям враждовать с другими – надо объединяться против всех остальных. Подобный подход способен дать намного больше всем нам. Различия же внутриклановые не должны становиться препятствием: они не так значительны, чтобы из-за них откладывать достижение великой цели: установление повсюду нашего полного господства. И типы вроде Ушастого своей примитивностью и недалёкостью только всячески мешают и путаются под ногами.

Причиной же стычки стала не только необходимость прояснения моего места в стае: дело ещё и в молодой самочке, живущей в норе неподалёку. Какая аппетитная крыска подрастает! Многие уже заметили данное обстоятельство, в связи же с семейным положением главными конкурентами являемся мы двое: я и Ушастый. Причём до недавнего времени ему отдавалось предпочтение: как аборигену, имеющему множество родичей и сторонников. Теперь же ситуация кардинально изменилась: после подобных поражений кто же станет чего-то требовать и домогаться, если – разумеется – он достаточно разумен. Однако в данном случае он пошёл по

иному пути и занялся распространением слухов, всячески меня порочащих: что выдаёт в нём подлого труса и мерзавца.

Однако – по словам Длинного – не всё столь печально и трагично: Серый отнюдь не разделяет предубеждений и совершенно ничего не имеет против меня, доказывая тем самым свою силу и значительность. Ведь не каждый сумеет устоять, если ему станут втолковывать подобное, подкрепляя рассказ мнением других – достаточно уважаемых – крыс; смысл же подобного отношения опять-таки сводится к политике: у Ушастого и его брата Крикуна – третьего по рангу в стае – очень много сторонников, и любое действие против них безусловно на руку Серому. И что бы там все ни говорили: с мнением вожака нельзя не считаться.

Выслушав внимательно Длинного – нервно переступавшего и оглядывавшегося на вход в нору – я свернулся калачиком и задумался. Похоже, я накликал новую войну: вряд ли Ушастый должен был ограничиться одним только выливанием помоев, и стоило учесть опасность во всей её силе и предполагаемой мощи: уж слишком много стояло за ним родичей и сторонников.

Проснувшись к вечеру свежим и отдохнувшим, я первым делом наведалься к Милочке – молоденькой крыске по соседству. Она как раз умывалась и прихорашивалась: мы с интересом потрепались на различные темы. По сравнению с Мамзелью она производит лучшее впечатление: совсем не стерва, и гораздо более подвижная и разумная. Мамзель ведь что больше интересовало? Мои репродуктивные качества и способность добывать много вкусной еды и напитков, благодаря чему она могла бы ощущать себя первой – не по рангу, а по реальному положению – самкой в стае. Здесь же есть и духовная близость, проявляющаяся в её интересе к моим рассуждениям. Она совершенно не имеет ничего против них и даже больше: вполне способна поддерживать разговор на близкую мне тему, вставляя свои вопросы и замечания во время встреч с Толстяком и Длинным. Кроме того она моложе и свежее: и вполне способна стать тем, что привяжет меня к стае и сделает окончательно своим.

Простившись же с Милочкой я отправился к Толстяку: обычно у его норы мы встречаемся перед очередной экспедицией. Здесь уже ждали: на этот раз мы шли вчетвером: я, Длинный, Толстяк и Хорёк. Не люблю я последнего: скользкий он какой-то и липкий, и при этом один из низших по рангу. Мне же как старшему было поручено командование: вполне оправданно, тем более что речь шла о визите в весьма далеко расположенное здание, полное запасами самой ценной и отборной пищи.

Ведь когда возникает нужда в расширении ареала, то лучшего кандидата для подобного вряд ли можно найти. Однажды я уже побывал там: и разведочная экспедиция в составе трёх крыс завершилась вполне успешно. Мы обследовали местность – оценив предполагаемые запасы – и одновременно познакомились с теми, кто уже был занят их добычей. Как оказалось – здание являлось спорной территорией – и сразу несколько стай пополняли там свои запасы, оказавшись не в состоянии поделить его окончательно. Безусловно, нам было на руку такое положение, и если в первый раз мы вернулись домой с многочисленными образцами, то теперь планировали доставить максимум того, что сможем донести.

Длинный возглавил колонну: как хорошему бегуну и разведчику ему вполне по силам было такое задание, мы же с Толстяком занялись обсуждением новой ситуации, в которой я оказался. «Ведь по всем законам, действующим и здесь, и везде – насколько мне известно – я ведь прав?» – «Конечно да. Но кроме законов есть и политика: куда же денешься от необходимости учитывать то, что думают другие. И Серому весьма непросто будет обеспечить тебе защиту. А то, что братец Ушастого Крикун вызовет тебя на драку – даже и не сомневайся: он их главная надежда. И тебе будет сложно: с его-то габаритами и силой». – «Я ещё и не таких побеждал: если же мне удастся вцепиться хорошенько – тогда у него нет шансов». – «Охотно верю! Но ты не забывай о тех, кто стоит за ним: они не всегда соблюдают правила. И способны на подлости: уж я-то их знаю как облупленных». – «И что ты посоветуешь?» – «Не вылезать особо: Ушастый своё получил, связываться же с остальными в данный момент невыгодно». –

«А как же Милочка?» – «А ты серьёзно насчёт неё?» – «Разумеется! По-моему, я уже достаточно поработал на стаю, и кое-какие права уже заслужил: ранг же постоянно растёт, и не сегодня-завтра...» – «Я бы не стал». – «Почему?» – «Слишком много ты хочешь сразу... Но если она не против, то по-тихому можете встречаться. Пока». – «Наверно, так и будет». – «А по прежней-то скучаешь?» – «Да нет: сколько можно? Да и потом: новое всегда лучше старого!»

«Ты хорошо это заметил: но не все, боюсь, с тобой согласятся. Ведь тот же Ушастый: он ведь ощущал себя так уютно до твоего прихода в стаю, а теперь что?» – «Но это не всё, что я хочу. Ты ведь не знаешь моих планов на будущее: но чтобы на них рассчитывать, надо подняться как можно выше: и второй ранг – сразу после Серого – как нельзя лучше подошёл бы мне». – «Нет, ну ты даёшь: сейчас тебе о спасении думать надо, а не о каких-то планах! А что за планы-то, кстати?» – «Ты разговоры-то наши помнишь: о великой цели и миссии, способной всех объединить?» – «Конечно: красивые замки, о которых любая крыса помечтать способна». – «Так вот: это не просто мечты. И вы с Длинным, и – я надеюсь – с Серым – в этом мне поможете». – Толстяк неожиданно затих, он только сопел за спиной и равномерно двигал лапами, оглядываясь иногда по сторонам, так что мне пришлось обернуться и несколько замедлить движение. – «Чего молчишь-то?» – «Здесь неудобно как-то: давай бежать рядом». – Он пристроился справа и уже потом зашептал мне на ухо: горячо и взволнованно. – «Это как: для прикрытия?» – «Прикрытия чего?» – «Ну, как чего: сам всё ведь знаешь, и зачем при чужих говорить: у них тоже уши есть. И языки». – «Я тебя не понимаю». – «А ты хитрее, чем я думал. Только вот всё равно тебе не поверят: и чтобы десятки или сотни сородичей отказались от чего-то – пусть самого мизерного и ничтожного! – ради какого-то мифического вечного царства, в котором управлять станут не они, а кто-то посторонний – не смей меня пожалуйста: такое невозможно. Если же они узнают реальную цель затеи, то тебе несдобровать». – «Я что-то не понимаю...» – «Каждому охота стать первым, но не у всех есть возможность. У тебя есть: но не сейчас, попозже». – «Так ты заподозрил, что я хочу это сделать для захвата власти?!» – «Ну не только». – Он подмигнул и масляно улыбнулся. – «Тогда, разумеется, все крыски – и не только одна, даже самая лучшая – будут в твоём распоряжении. Кто же о таком не мечтает?» – «А ты ведь мерзавец, Толстяк...» – «Я что-то не то сказал? Тогда извиняюсь». – Он отстал от меня и пристроился в кильватере, и сколько я ни оглядывался потом, он всё время отводил глаза в сторону, изображая активные поиски возможной угрозы и опасности.

Мы быстро приближались к цели, пожирая расстояние, и я не стал допекать Толстяка: не до того стало мне теперь, облечённому высокой властью и полномочиями. Теперь я возглавил колонну, и уже всё внимание требовалось сосредотачивать на окружающей местности, мало-знакомой и достаточно опасной: теперь мы двигались по открытому месту – самому сложному на всём маршруте. К счастью, было темно: мало кто смог бы увидеть наши чёрные силуэты, ещё ускорившиеся и летевшие как всадники смерти: да мы и были ими, потому что кто как не мы предвещаем её и несём её – часто в потенциале – в себе самих, чем безусловно и непременно гордимся! И только представители других стай – наши конкуренты – способны что-то нам противопоставить: однако именно здесь и находится то новое, воплощением чего я хотел бы заняться. Если представится возможность.

Мы были уже у здания: я прогнал посторонние мысли и максимально обострил слух: глупо было бы попасться у самой цели, когда удалось обойти столько возможных опасностей и угроз. Кто-то шуршал в далёкой темноте: мы явно были не одни, но из-за подобной ерунды я не собирался поворачивать обратно. В конце концов: здесь была свободная территория, и мы имели на неё такие же права, как и гнездящиеся рядом стаи: в доказательство чего мы могли бы представить вполне весомые аргументы.

Почти сразу же они как раз и понадобились: как только я оказался в подземной норе, ведущей вглубь здания, совсем рядом фыркнули, и прямо впереди обрисовался массивный тёмный силуэт. – «Вы куда, ребята?» – «Куда надо: не твоё это дело». – «А здесь уже занято:

и лишние нам вовсе ни к чему». – «Кто тут лишний: мы ещё посмотрим». – «Так-так: хамим, значит?» – «Проваливай отсюда: или, может, тебе жить надоело?» – «А он ещё и дерзит...» – Незнакомец обращался куда-то вглубь: там явно находились сподвижники, и я использовал такую неосторожность: резким движением я рванул вперёд и вцепился ему в глотку, а Длинный, Толстяк и Хорёк уже пробивались дальше, расчищая дорогу к столь дорогим запасам самой вкусной и отборной пищи.

Как ни дёргался и ни рвался мой противник на свободу, но уйти от меня мало кому когда-либо удавалось живым и невредимым: он всё слабел и затихал, и когда появились напарники – с сообщением о позорном бегстве остальных врагов – он уже мало отличался от трупа. Я довершил начатое – для устрашения следовало оставить о себе весомую память – и мимо обмякшего тела мы с осторожностью стали спускаться дальше, не забывая заглядывать во все боковые щели и коридоры. Мы, видимо, нагнали страху на аборигенов: топот чужих лап звучал всё тише и пропадавал в глубине здания: дорога, похоже, была свободна.

Однако нам пришлось ещё немало побегать в поисках входа на главный склад: в прошлый раз мы двигались по другому маршруту, более удобному и короткому, сейчас же несколько заплутали и чуть не сбились с пути, попав в помещение, где находились люди и кошка. К счастью, мы вовремя заметили угрозу и быстро сменили направление: даже кошка – не говоря о людях – не успела среагировать на наше появление; ей остался только наш запах, но никакая кошка не смогла бы проникнуть в те ходы и коридоры, по которым мы целеустремлённо и слаженно двигались к цели.

Ведь что может быть лучше боевой крысы, точнее отряда крыс, поставивших себе значимую цель, и понимающих, как этой цели добиться? Мы ведь явно умнее врагов – кошек и собак – но и с человеком тоже вполне способны вести успешные боевые действия. Единственная здесь слабость – наши многочисленные потери, успешно, однако, восполняемые нашими самками: в чём мы им неустанно помогаем.

Что же касается людей, то мы – именно мы! – являемся свидетелями всех их грехов и преступлений: и того, как они обращаются друг с другом, и их отношения к своим подопечным. Разве придёт крысе в голову идея – если, конечно, она нормальная психически здоровая крыса – привязать к хвосту другой крысе пучок бумаги и потом поджечь его, любуясь метаниями невинной жертвы? Или драки: вполне допустимой является ситуация, когда две крысы – один на один – честно выясняют между собою отношения, остальные же при этом становятся лишь зрителями, в лучшем случае подбадривая бойцов. Когда же обнаруживается явное превосходство одной стороны, то второй противник имеет право – признав своё поражение – уползти в нору, зализывая раны, не рискуя при этом пострадать ещё больше от явного победителя. И сколько раз – прячась в развалах мусора или под навесом – я видел нечто иное: как несколько человек не переставая молотили одного, уже упавшего и не могущего ничего противопоставить подобному варварству. Я не исключаю: что иногда такие стычки кончались и смертельным исходом, понимание чего – вместе со всем остальным – обязательно приводит к неутешительному выводу: человек – враг всего живого.

А их техника: все эти машины, механизмы и сооружения, только затрудняющие всем жизнь и явно направленные против остальных видов? Скольким из нас – даже из нас! – стоили жизни неосторожные прогулки на воле: под колёсами пьяного драндулета, летящего не разбирая дороги: ведь когда несчастная крыса видит стремительно несущиеся прямо на неё огни, то разве способна она за оставшиеся мгновения спрятаться в подходящее укрытие и избежать угрозы, пускай и не намеренной? А ловушки, подстерегающие нас в их сооружениях, одна из целей которых – безусловно борьба с нами и со всем живым: скольких разведчиков раздавило и перемололо в этих страшных жерновах, и сколько из нас остались навсегда калеками, лишившись лап или хвостов, отрубленных или отрезанных внезапно заработавшей конструкцией?

Прочие виды слишком слабы и глупы, чтобы понять и оценить это: и мы принимаем на себя эту миссию, согласующуюся и с нашей главной стратегической задачей: мечь человечеству.

Ведь наша борьба идёт не переставая уже многие поколения, обросшие памятью о великих противостояниях, когда целые города и страны людей оказывались побеждёнными и заваленными горами тел – это ведь была наша работа! – и на некоторое время мы становились хозяевами, и только позже – с приходом новых людей – вынуждено отступали в привычные системы ходов и лабиринтов. Какое тогда происходило ликование и веселье, мы совершенно свободно и открыто занимали помещения, где раньше жили люди, и диктовали всему оставшемуся свои условия: там не оставалось больше ненавистных нам кошек и собак, птицы же становились нашим кормом, и великая мечта на короткое время воплощалась-таки в реальность: пусть только здесь и сейчас.

В последнее же время – следует признать – мы терпим больше и больше неудач: люди научились слишком хорошо защищать свои жизни и жилища от неблагоприятных обстоятельств, и совсем уж редко – во время их войн или нечастых катаклизмов – нам удаётся снова обрести прежнюю силу и смелость. В остальных же случаях нам остаётся обычная мечь: даже не мечь как таковая, а всего лишь воздаяние по заслугам, являющееся в то же время нашим главным делом: добывание пищи в закоулках этого самого человечества.

Не все из нас в состоянии понять это: слишком многим – увы – дано разума достаточно лишь для того, чтобы правильно обойти ловушку и не попасться в красиво оформленную крысоловку, хотя – разумеется – для этого требуется также немало сообразительности. Но способность к абстрактному мышлению – нечто куда большее – и отсутствие навыков к нему приводит к печальным последствиям: мало кто из нас способен понять, что утаскивая кусок сыра из укромного подвала к себе в нору, мы не только добываем пищу в своём законном ареале, но и обкрадываем человечество.

Многие крысы возразят мне: а где же мы ещё можем добывать пищу? – и будут абсолютно правы: человечество само привело нас к подобным взаимоотношениям. Ведь согласно древним легендам и сказаниям давным-давно – на заре цивилизации – мы существовали совершенно независимо друг от друга: мы добывали себе пропитание там же, где и все – в лесах и полях, что было совсем даже и неплохо, пока не появились стойбища этих существ: они росли вширь и ввысь, а их обитатели захватывали уже наши ареалы, вынуждая нас изменять стратегию. Мы просто вынуждены были – чтобы не исчезнуть – селиться рядом и искать пропитание не только и столько в привычных местах – сколько в кладовых этого самого человечества, компенсируя свои потери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.